

ДИСКУССИЯ

Выступающие:

- А. В. АГОШКОВ   главный редактор издательства «Наука и культура», кандидат философских наук
- М. Н. ВЕТЧИНОВА   профессор кафедры иностранных языков и профессиональной коммуникации Курского государственного университета, доктор педагогических наук
- Ю. К. ВОЛКОВ   профессор кафедры права, философии и социальных дисциплин Арзамасского филиала Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, доктор философских наук, почетный работник высшего профессионального образования РФ
- В. С. ГЛАГОЛЕВ   профессор кафедры философии МГИМО (Университет) МИД России, доктор философских наук
- А. А. ГУСЕЙНОВ   научный руководитель Института философии РАН, академик РАН, доктор философских наук, профессор, Почетный доктор СПбГУП
- Т. И. ЕРОХИНА   проректор Ярославского государственного театрального института, заведующая кафедрой культурологии Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского, доктор культурологии, профессор
- М. И. КОЗЬЯКОВА   профессор кафедры философии и культурологии Высшего театрального училища (институт) им. М. С. Щепкина, доктор философских наук, кандидат экономических наук
- Г. Г. КОЛОМИЕЦ   профессор кафедры философии и культурологии Оренбургского государственного университета, доктор философских наук
- Т. В. КУЗНЕЦОВА   профессор кафедры эстетики МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор философских наук
- В. А. ЛЕКТОРСКИЙ   главный научный сотрудник Института философии РАН, академик РАН, доктор философских наук, профессор
- В. Е. ЛЕПСКИЙ   главный научный сотрудник Института философии РАН, доктор психологических наук
- С. В. ЛУРЬЕ   ведущий научный сотрудник Социологического института РАН, доктор культурологии, кандидат исторических наук
- И. В. МАЛЫГИНА   проректор по научной деятельности Московского государственного института культуры, доктор философских наук, профессор
- В. Э. МАНАПОВА   доцент кафедры гуманитарных дисциплин Дагестанского государственного университета народного хозяйства (Махачкала), доктор философских наук
- М. А. МАНУИЛЬСКИЙ   заместитель главного редактора журнала «Человек» Президиума РАН, кандидат философских наук
- А. П. МАРКОВ   профессор кафедры философии и культурологии СПбГУП, доктор культурологии, доктор педагогических наук, заслуженный деятель науки РФ
- Л. В. МАТВЕЕВА   профессор кафедры методологии психологии МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор психологических наук
- А. Н. МОСЕЙКО   ведущий научный сотрудник Центра цивилизационных исследований Института Африки РАН, кандидат философских наук, доцент
- М. Я. САРАФ   профессор Московского государственного института культуры, доктор философских наук, заслуженный работник высшей школы РФ
- Т. Б. СИДНЕВА   проректор по научной работе Нижегородской государственной консерватории (академия) им. М. И. Глинки, доктор культурологии, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ
- М. В. СИЛАНТЬЕВА   профессор кафедры философии МГИМО (Университет) МИД России, доктор философских наук
- Л. В. СОКОЛЬСКАЯ   доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Государственного гуманитарно-технологического университета (Орехово-Зуево, Московская обл.), кандидат юридических наук

В. С. СТЕПИН	руководитель секции философии, политологии, социологии, психологии и права Отделения общественных наук РАН, академик РАН, доктор философских наук, профессор, Почетный доктор СПбГУП
В. Е. ТРИОДИН	профессор СПбГУП, доктор педагогических наук, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный работник культуры РФ
А. Н. ФАТЕНКОВ	профессор кафедры философии Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, доктор философских наук
Е. В. ХАРИТОНОВА	старший научный сотрудник Института Африки РАН, кандидат психологических наук, доцент
Н. А. ХРЕНОВ	главный научный сотрудник Государственного института искусствознания Министерства культуры РФ, доктор философских наук, профессор
А. Н. ЧУМАКОВ	ведущий научный сотрудник Института философии РАН, доктор философских наук, профессор

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Коллеги, начинаем работу нашей секции. У нас сложилась многолетняя традиция, что в дискуссии выступают те, кто считает это важным для себя. У нас очень сложная интересная тема, которая уже обсуждалась и на пленарном заседании, и в панельных дискуссиях, так что желателен откликаться на эти обсуждения. Если у участников нашей секции возникнут вопросы или комментарии, было бы интересно их услышать и получить ответы. Итак, слово предоставляется главному редактору издательства «Наука и культура» Андрею Валерьевичу Агошкову.

А. В. АГОШКОВ: — Уважаемые коллеги, я благодарен участникам второй панельной дискуссии за то, что они, наконец, назвали вещи своими именами. Тот кризис, сдвиг или трансформация, как ни назови, относится, безусловно, к капитализму. Это умирание капиталистической системы. На мой взгляд, война двух миров, двух систем не прерывалась ни в 1991, ни в 1993 году. Ее итоги в виде социализации экономических укладов ощутимы гораздо больше на Западе, чем у нас. Один из докладчиков упоминал о том, что в ряде стран Западной Европы и Америки — Швеции, Финляндии, Франции, Германии, Канаде — достигнут высочайший уровень социальной защиты. Некоторые даже называют его коммунистическим уровнем развития социально-экономической системы. Именно в связи с этим менястораживает позиция западных коллег. Вчера они в течение нескольких часов ходили вокруг да около, но вещи своими именами не называли. То ли стеснялись, то ли были чем-то напуганы. А наши коллеги — Акаев, Шмаков, Запесоцкий — не постеснялись и не испугались. И за это им большое спасибо.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Слово предоставляется профессору Юрию Константиновичу Волкову.

Ю. К. ВОЛКОВ: — Смысл моего доклада, его содержание раскрыты в подзаголовке — «Образ кризисного социума в современной картине мира». Здесь

можно говорить о трех ключевых понятиях, или концептах, или терминах, — это «кризис», «картина мира» и «будущее». На мой взгляд, существует тенденция к тому, что, как во многих понятиях, заимствованных из субъективной логики, понятие «кризис» объективируется и в настоящее время воспринимается все-таки как результат реальных процессов, переходов в новое состояние. Если же говорить о картине мира, то первоначально термин, введенный Герценом, предполагал объективное знание о мире. И в дальнейшем, например в понимании Ясперса, был дополнен оценочной компонентой.

Если говорить о каких-то общих характеристиках современной картины мира, то я бы выделил здесь два главных признака. Это, во-первых, исключительная сложность современной картины мира, отсюда ее рациональность, а во-вторых, заимствование из естественной картины мира возможных идей направленности процессов. Это во многом созвучно тому, о чем говорил Дмитрий Сергеевич Лихачев, когда высказывался о возможности конструирования будущего. Тем не менее, несмотря на такую сложную и направленную картину мира, попытки прогнозирования будущего неоднократно предпринимались и на протяжении прошлого столетия, особенно его второй половины. То есть концептуальная основа для этого есть.

Не буду останавливаться на том, какие существуют варианты будущего. Достаточно сказать, что это по крайней мере алармистские или оптимистические проекты, сценарии. В докладе я называю работы эпохи кризисного сознания Сорокина, труды межсистемников, а также представителей радикальной географии.

И наконец, о том, куда мы идем и какое будущее нас ожидает. Здесь, на мой взгляд, главный вопрос в том, как понимать это будущее. Я придерживаюсь позиции, которую высказал, размышляя о предмете философии истории, профессор Межуев (похожую мысль можно найти у Делёза), что будущее — это образ живого настоящего, которое становится действительностью. Преодоление вечности, которая онтологизирует

направленность истории, — это не пустой звук, оно наполнено содержанием и смыслом. По мнению Межуева, например, это идея свободы, свободного времени, которая в Новое время была перенесена из сакральной вертикали сверхчувственного идеала в горизонталь. Поскольку она вызвала споры, потому что непонятно — то ли это свобода от труда, то ли свобода в труде, мне кажется, что современная ситуация, картина мира больше наполняет смыслом будущее, формирующееся постоянно, становящееся настоящим трагическим, героическим пафосом. И, возвращаясь к вопросу о том, куда мы идем, я бы сказал, что существуют два варианта развития событий. Один — это трагический пафос, который лучше всего проиллюстрирован идеей постепенного старения и смерти человечества, его вымирания. А второй — героический пафос, преодоление. И как раз легенда о том, как поступил апостол, чье имя носит Северная столица, говорит об идее выбора, раскрывает героический пафос.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Слово имеет профессор Владимир Сергеевич Глаголев.

В. С. ГЛАГОЛЕВ: — Уважаемые коллеги, я хочу откликнуться на слова Александра Сергеевича Запесоцкого относительно петербургского Дипломатического клуба и предложить несколько идей, будущего, с моей точки зрения, перспективны для будущего. Но прежде всего я хочу сказать, что Совет по международным отношениям выпустил трехтомник «Зарубежные ученые о теории международных отношений». Это огромный труд по программам будущего, которые планировались, по крайней мере западной мыслью, до 1914 года. В частности, есть фактор, связанный с темой моего выступления, — это нематериальные векторы международных отношений. И я имел удовольствие составить введение к блоку публикаций, связанных с этой проблематикой. Мне кажется, что проблематика сценариев термоядерной войны, которую так старательно обходили на пленарном заседании как очень неприятную, была проигнорирована, потому что здесь встает целый ряд фундаментальных вопросов для будущего человечества. Видимо, на повестку дня следующего заседания клуба этот вопрос должен быть обязательно вынесен.

Мне видится, что сегодняшняя эпоха, насколько мы можем судить, будет эпохой продолжения ряда локальных войн, ведущихся традиционными средствами за традиционные цели. Африка — классический пример, но на Ближнем Востоке происходит то же самое. Это цели, связанные с простейшими геополитическими преимуществами, — контроль за населением, ресурсами и т. д. Но подготовка к войнам с применением ракетно-ядерного оружия, конечно, связана с участием великих держав современности. Не будем говорить о Южной Корее, которая шла в фарватере двух великих держав — Советского Союза и Китайской Народной Республики. Это подготовка к ситуации доминирования, сохранение доминирования либо создание геополитических преимуществ, которые позволят доминировать, то есть это, по существу, суперфьючерные

проекты, в которые вкладываются колоссальные средства. И это, прошу прощения за грубое слово, шизофреническая особенность состояния человечества в настоящее время.

Что здесь имеет смысл обсуждать дипломатическому клубу? Первое, конечно, — это факт, что сегодня наступил третий этап ядерного вооружения. Совершенствование ядерного вооружения непрерывно продолжалось на протяжении 70 лет. Все договоры касаются состояния ядерного вооружения на конец 1960-х — начало 1970-х годов, соответственно 40 с лишним лет технический прогресс не подвергался международному регулированию, международным контактам. Это огромная работа как для профессиональных военных технических специалистов, так и для людей гуманитарно-культурного профиля, без которого, понятно, создать вектор общечеловеческого обсуждения этих проблем просто невозможно.

Вторая очень интересная проблема. Сегодня ракетно-ядерное оружие не может функционировать без соответствующей системы управления, прежде всего радиотехнического, но радиотехническое управление показало свою нестабильность еще в 1961 году, когда «Царь-бомба», испытанная на Новой Земле, нарушила радиосвязь в радиусе сотен километров от взрыва в течение часа. То есть частоты уходят, и нет никакой гарантии, что сообщение придет туда, куда нужно, в кратчайшее время, в доли секунды. Отсюда на протяжении 40 с лишним лет разработка проектов крылатых ракет, имеющих автономную систему наведения по электронной карте, независимую от внешних помех, связанных с радиотехникой. Но тут возникает целый ряд вопросов, связанных с радиопомехами, которые сегодня можно создать с применением разного рода излучений от направленных источников радиоактивного воздействия. В общем, возникают большие проблемы с неустойчивостью этого процесса.

И третье — это устойчивость тех кабелей, по которым должна осуществляться связь между руководителями крупнейших держав в случае чрезвычайной кризисной ситуации. В нашей истории у советского правительства уже однажды возникала необходимость по открытым каналам связи обратиться к правительству Кеннеди, потому что все функционирующие системы не давали быстрого эффекта. Не было времени на шифровку, и пришлось открытым текстом по радио передавать, что мы готовы сесть за стол переговоров. Это было во время Карибского кризиса. Такого рода ситуации учитываются сегодня при разработке систем связи, в которых, во-первых, сигнал подается в любое время дня и ночи и, во-вторых, подача этого сигнала означает, что принимающая сторона обязательноотреагирует, потому что дальше события будут развиваться по заранее запланированному сценарию. Каждый руководитель ракетной базы или подводной лодки будет действовать по инструкции, составленной на несколько месяцев и, конечно, обновляемой для конкретной ситуации, но неизменной на случай прерывания правительственной связи.

Не буду вас пугать апокалиптическими сценариями, рассмотрим более оптимистические. Известно, что

все последние крупнейшие технологические и научные достижения так или иначе были связаны с военной сферой — либо создавались в ней, либо она финансировала их, давала зеленый свет, очень часто на всякий случай. Это проблема технологий двойного назначения, но развитие мирного профиля технологий — это, конечно, главный источник технологического прогресса для всех отсталых стран. А в некоторых областях мирных технологий, признаемся, мы очень сильно отстали. И для нас этот импульс, идущий от технологий двойного назначения, очень важен. Это тема, которая в будущем будет очень интересной и перспективной.

В заключение отмечу, что сегодня остро стоит проблема образования и культуры, без которых устойчивое стереоскопическое видение современной ситуации с непрерывными изменениями и колебаниями, происходящими иногда в считанные дни на международной арене, невозможно. Это необходимо закладывать в нашу систему образования, потому что это очень существенный момент.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Слово предоставляется профессору Александру Николаевичу Чумакову.

А. Н. ЧУМАКОВ: — Абдусалам Абдулкеримович на пленарном заседании затронул проблему будущего. Это очень важный момент. О каком будущем идет речь? Вот в чем вопрос. В связи с этим позвольте мне обратиться к моим студенческим годам. Тогда на философском факультете в МГУ преподавал Игорь Васильевич Бестужев-Лада, и он эту тему с нами обсуждал. Еще одно имя, которое хотелось бы вспомнить, — это Эдвард Артурович Араб-Оглы. Эти два человека внесли значительный вклад в изучение будущего, который, на мой взгляд, до сих пор должным образом не оценен. И я в данном случае буду ссылаться именно на идеи этих ученых. Когда мы говорим о будущем, то говорим о будущем вообще, но мы не говорим о прошлом вообще. Мы всегда говорим о прошлом, имея в виду какие-то этапы, столетия, династии и т. д. А почему мы говорим о будущем вообще? Ученые предложили делить, дихотомировать будущее так же, как прошлое. Но тогда возникает вопрос: что положить в основу деления этого будущего? И они предложили знания о будущем. А есть у нас знания о будущем? Да есть. Какие? Прежде всего, конечно, достоверные, вероятностные, гипотетические и фантастические (это тоже знания, которые к нулю не сводятся). И в связи с этим они предлагали дихотомировать будущее на ближайшее, отдаленное, гипотетическое и фантастическое.

Какие знания преобладают относительно ближайшего будущего? Конечно, достоверные. Это знания о ближайших 5–10, максимум 15 годах. Следующее будущее — отдаленное, где преобладают вероятностные знания, в процентном отношении составляющие 30–60 % вероятности, случится или нет. И это будущее составляет примерно 15–40 лет. А дальше наступает гипотетическое будущее, так сказать, *maybe yes, maybe no* или *fifty-fifty*. Это будущее в пределах примерно от 40 до 75 лет. Следующий этап — 75–100 лет — это фантастическое будущее, где преобладают фантасти-

ческие знания. Я недаром вспомнил советский период 1970-х годов, когда Игорь Васильевич Бестужев-Лада обращался к нам: «Вот вы говорите (а тогда это было модно. — *А. Ч.*): коммунизм — светлое будущее человечества. О каком будущем вы говорите? Какие у вас познания об этом будущем?». Или был такой очень популярный тезис: капитализм не имеет будущего. Опять же о каком будущем вы говорите? Какие у вас познания о нем? Хотелось бы, чтобы мы имели в виду такой подход. К сожалению, о нем нигде не говорят. На некоторых площадках, когда была такая возможность, я высказывал свое мнение о нем, потому что этот вопрос достоин серьезного изучения.

А теперь хотелось бы отреагировать на те разговоры, которые ведутся вокруг глобализации. Здесь столько было сказано о ней, приведу некоторые эпитеты: «глобализация остановилась», «глобализация пошла вспять», «несправедливая глобализация», «либеральная модель глобализации». Все это я бы назвал, извините за непарламентское выражение, «сапоги всмятку». Сегодня о глобализации написано и сказано очень много. Существует множество справочных изданий: в 2003 году на русском и английском языках вышла глобалистская энциклопедия, в 2006-м — энциклопедический словарь, где собраны статьи 648 авторов из 58 стран мира, и др. И это далеко не все, я не беру другую литературу, например труды факультета глобальных процессов МГУ, существующего 10 лет, сборники Международного конгресса по глобалистике, на который собирается весь мир. Подобные форумы проходят не только в России, но и по всему миру. Но мы все еще продолжаем говорить о глобализации, не имея возможности аргументировать. Поэтому я могу вас отослать не только к своей литературе и указанным справочным изданиям, но и на YouTube, куда я выкладываю свои дискуссии и лекции (скажем, в Казанском федеральном университете), в которых излагаю свою позицию. Сейчас я только скажу, как понимаю глобализацию, с тем чтобы потом объяснить, почему так жестко реагирую на такие высказывания.

Дело в том, что из того, как вы понимаете глобализацию, в значительной степени будет вытекать и то, что вы будете предлагать с точки зрения будущего, с точки зрения выхода из этой ситуации и т. д. Рабочее определение глобализации — это становление целостных структур связей и отношений в планетарном, глобальном масштабе. Этимология слова должна быть в центре внимания, поэтому скажем, что это становление таких структур связей и отношений в различных сферах общественной жизни. Мы посмотрим на глобализацию как на объективный исторический процесс, дополняя это определение. Когда начинали говорить о глобалистской проблематике, термина «глобализация» еще не существовало. Он появился только в 1990-х годах. У нашего глобалистского патриарха, философа Ивана Тимофеевича Фролова, которого не стало в 1999 году, вы нигде не найдете упоминания слова «глобализация», он этот термин не употреблял, говорил только о глобальных проблемах. Но это вовсе не значит, что глобальные проблемы — это следствие глобализации.

Пять лет тому назад в среде тех, кто занимается серьезными проблемами, мы стали более или менее понимать, что глобализация — это только один из глобальных процессов. Если опять-таки учитывать этимологию слова, то какие глобальные процессы я имею в виду? А что, атмосферные процессы — не глобальные? Они существуют столько, сколько существует атмосфера, в целом планета — порядка 5 млрд лет. А гидросферные процессы — круговорот воды — не глобальные? А биосферные процессы, существующие с тех пор, как возникла биосфера — 3,5–4 млрд лет? С этой точки зрения глобализация — это тоже глобальный процесс, только его отличие от тех естественных глобальных процессов в том, что в нем участвует человек.

Так что глобализацию не нужно бояться, ее нужно воспринимать как объективный процесс, потому что он один из множества. Здесь произошло смещение глобализации и локализации. Дело в том, что глобальные процессы поднимают локальные на другой уровень, как на озере волны поднимают со дна тину и вода становится мутной. Но это разные вещи — глобальные и локальные процессы. Но в этом разговоре мы упускаем еще один момент. Если говорить о глобальных процессах, которые начинаются с эпохи Великих географических открытий, то им предшествовали не локальные, а региональные процессы. То есть человечество, изначально будучи локальным, со времен Александра Македонского вышло на региональный уровень, а начиная с эпохи Великих географических открытий — на глобальный. А потом сама глобализация проходила в три этапа: сначала реальная глобализация, в XIX веке она становится фундаментальной, а мы живем уже в многоаспектной глобализации. В литературе об этом много написано.

В заключение несколько коротких тезисов. Когда мы говорим о глобальном управлении, то надо различать управление и регулирование, потому что управлять мы можем только на уровне государства, не выше. Европейский Союз показывает пределы, а глобальный уровень — это философский вопрос. Организацию Объединенных Наций, о чем здесь говорилось, ни в коем случае нельзя упразднить, потому что ничего другого подобного нет, но возлагать на нее управленческие функции невозможно, потому что она создавалась в других условиях, для других целей, она в лучшем случае регулирует международные отношения, не более. И последнее. Когда обсуждают международное право, то говорят, что оно развалилось. Хотя я не юрист, но 28 лет проработал в юридической академии, и поэтому мне не безразлично право. Я хочу сказать, что международное право никуда не делось, оно существует, просто натолкнулось на глобальные границы и показывает свою недееспособность. Речь идет об универсальном праве. Не надо бояться этого слова, давайте называть его глобальным правом. А вот возможно оно или нет?..

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Александр Николаевич — ведущий специалист по проблемам глобализации. Из Вашего выступления я понял, что глобализацию

надо понимать глобально, она включает много разных аспектов. Глобализация — лишь один из этапов какого-то более объемного, сложного процесса, который начался намного раньше, чем мы стали говорить об этом. Далее выступит профессор Ирина Викторовна Малыгина.

И. В. МАЛЫГИНА: — На нашем форуме два дня выступали такие выдающиеся мужи, что у меня первая мысль была отсидеться и отмолчаться, просто остаться наедине со своими размышлениями. Потому что, помимо страха, о котором говорили мужчины, я поняла, что мы в наш дискурс можем ввести еще две категории — уныние и отчаяние. И я, наверное, была близка к этому состоянию. Но я поддерживаю Андрея Валерьевича Агошкова, который начал с благодарности организаторам нашей дискуссионной площадки и нашим философам, которые действительно сделали предметом дискуссии то, что на протяжении предыдущих двух дней умалчивалось, — антропологический гуманитарный аспект всех тех глобальных изменений, о которых с такой тревогой здесь говорилось.

Александр Сергеевич Запесоцкий очень активно и настойчиво задавал вопросы: что за сдвиги происходят, что в этой системе меняется? Все меняется. Эмпирически наблюдаются такие мощные процессы, что мир просто сходит со своего места. Когда такое было, чтобы Восток и Запад так легко сошли со своих мест, так уверенно проросли на противоположных цивилизационных полюсах? Наверное, было, только это не было таким образом выражено. Та последовательность типов динамики, о которой писал академик Степин, традиционалистски, технологически меняется. Сегодня каждая из этих моделей развития — традиционалистская и технологически ориентированная — бьется за какой-то реванш, за то, чтобы навязать свои правила игры. Вчера часто вспоминали ДАИШ, ИГИЛ, и мы понимаем, что это, наверное, самая яркая, показательная иллюстрация этой истории.

Происходит действительно тотальная деконструкция, аномия, о которой тоже вчера часто говорили. И возникает вопрос: контуры будущего мироустройства сами собой обрисуются? Какой должен появиться субъект, чтобы все-таки эти правильные контуры обозначить, и есть ли хоть один шанс у него появиться? Мы понимаем, что это должен быть не просто какой-то глобальный человек, а человек глобально мыслящий или как минимум здравомыслящий, который был бы укоренен в культуре традиционалистской, где существует презумпция невиновности, где традиция — такая же безусловная ценность, как любые технологические достижения.

Мы пока об этом говорим меньше, а тем временем американские ученые зафиксировали появление новых поколений — поколения Y и уже прорастающего сквозь него поколения Z. Я бы, может быть, опять-таки промолчала, если бы не благодарная аудитория студентов, которые нас всех внимательно слушали. Это то поколение, которое сформировалось на фоне цифровой, информационной революции. Американские исследователи не очень хорошо его характеризуют, гово-

рят, что это поколение, для которого жизненный мир сжался до возможностей смартфона (не знаю, может быть, наоборот, развернулся благодаря им) и технологические достижения, сетевые коммуникации стали неотъемлемой его частью. Это поколение, как говорят, с незавершенной, разомкнутой идентичностью. Типичный представитель поколения *Y* или даже *Z* — это человек, который фланирует по смысловым структурам разных культур, на самом деле ни к одной из них серьезно не партиципируя, не природняясь. Это то поколение, у которого потребность в гуманитарной рефлексии пока есть, но постепенно упраздняется.

Сегодня понятие мудрости очень слабо задействовано и научным, и публицистическим дискурсом, не говоря уже о той самой любви к мудрости, которую культивировали древнегреческие мудрецы. Может быть, только в том контексте, в котором о ней писал Габриэль Марсель, размышляя о трагической мудрости: он говорил, что в современной культуре на статус мудреца, чей образ чрезвычайно размыт, претендует все общество. И если в XX веке такое высказывание казалось почти бредовым, то в XXI веке, с развитием искусственного интеллекта, эти прогнозы стали сбываться. Сегодня мудрец, философ, ученый, то есть производитель знания, и его потребитель становятся практически равными (прошу простить мне это намеренное упрощение) в обладании этим самым знанием. Молодому поколению эта череда трудоемких рефлексивных процедур движения к знанию, постижения знания иногда кажется обременительной и избыточной. Сейчас достаточно одним пальцем нажать на гаджет и, собственно говоря, присвоить в готовом виде знания, которые уже кто-то произвел. Мотивации к постижению, познанию мудрости тоже нет, потому что на шкале между элитарностью и маргинальностью статус ученого, философа, мудреца сегодня переместился в сторону какой-то маргинальной ситуации.

Я считаю, что все эти явления, которые я очень пунктирно обозначила, тоже являются весьма заметным глобальным вызовом. А если еще вспомнить, что современная российская и мировая экономика, о чем тоже много говорили, очень жестко ориентирована на технологический тренд развития, наукоемкие технологические области знания, что критерии науки сегодня меняются в пользу повышения экономической целесообразности, что рождает мифы об избыточности, несвоевременности гуманитарного знания, — это, конечно, серьезный вызов. Хотя мы вчера говорили, что закладываем фундамент будущего, но жить в этом будущем нашей молодежи — на мой взгляд, очень остроумно, — будущее возврату не подлежит. Поэтому будьте бдительны.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Предоставляю слово доктору философских наук из Дагестана Виолетте Эльдаровне Манаповой.

В. Э. МАНАПОВА: — Мое выступление в принципе во многом созвучно со вчерашним выступлением Александра Петровича Маркова о дальнейших сце-

нариях будущего. Действительно, мы, возможно, как часть европейской цивилизации, столкнулись с рядом вызовов, связанных с факторами социально-экономического плана, миграционной политики, не всегда продуманной внешней политики. Особое внимание сценариям будущего было уделено после глобального экономического кризиса 2008 года, когда перед философами встал вопрос: а что же дальше? И ряд философов предложили два основных сценария развития будущего: прогрессивный и регрессивный. Первый был связан с коммунистической моделью. У этого сценария было как бы три волны: первая — неолитическая революция, вторая — научно-техническая революция, третья — антропная волна. Ряд мыслителей считали, что следующая волна наступит с приходом коммунизма. Особенно часто стали говорить об этом сценарии после того, как в ряде стран к власти пришли политики, исповадавшие левые взгляды. Это главным образом Латинская Америка. Но, как показывает практика, может быть, я выскажусь немного пафосно, мировой капитал скорее всего не позволит подобное развитие ситуации. Мы видим, как лидеры этих стран постепенно либо уходят в отставку, либо их насильственно снимают с постов и т. д.

Второй сценарий, на наш взгляд, более реалистичный. Его можно назвать «Новое Средневековье». Это сценарий религиозный. Он связан прежде всего с миграционными процессами, которые сейчас происходят во всем мире. Причины их таковы: развивающиеся страны не имеют возможности вкладывать средства в социальную сферу; огромная безработица, эпидемии, локальные войны и т. д. Поэтому миграционные волны направились, конечно же, в сторону Запада, который, возможно, сам спровоцировал эту ситуацию, так как длительное время, практически до последнего времени, выплачивались достаточно крупные пособия всем прибывающим на территорию Европейского Союза. К чему привела эта волна? Прежде всего возросло количество мусульманского населения. Арабо-мусульманская цивилизация, в отличие от европейской или евразийской цивилизации, Китая, Японии, самая молодая. В отличие от всех перечисленных стареющих цивилизаций, причем в прямом смысле стареющих, потому что в связи со спадом рождаемости население быстро стареет, эта цивилизация достаточно быстро распространяет свои ареалы за счет естественного прироста, миграционных процессов и перехода людей из других конфессий в ислам. Это особенно ярко выражено в мусульманских регионах, где люди, традиционно исповедующие, к примеру, христианство, переходят в ислам. Кроме того, в догматике ислама заложена идея, что вся история единобожия — это история ислама. И естественно, это провоцирует неприятие другой культуры и вызывает протесты со стороны иного населения. И тут возникают разные бытовые локальные конфликты, причем ежедневные.

Россия тоже сталкивается с миграционными потоками, в основном из стран Средней Азии. Это так называемая трудовая миграция. Но это несколько другое. Если Америка пошла по пути миграционного выбора, когда в основном приглашаются специалисты высокого

уровня либо студенты, получившие стипендии, то Европа и Россия — по пути трудовой миграции. В связи с тем, что все это вызывает страх у обывателей, о чем говорилось на наших дискуссиях, этим чувством активно манипулируют политики. Кроме того, существует разочарование в законе, который часто не помогает добиться справедливости. В связи с этим рано или поздно политики захотят воспользоваться таким инструментом, как религия. Тот же Хантингтон говорил, что в критические моменты люди обращаются к фундаментальным ценностям, в частности к религии. И здесь уже, наверное, другая ловушка: мы видим, как активно представители религиозных конфессий вмешиваются в политику государств, социальную сферу, образование. То же самое происходит и в России. И здесь уже другая опасность, с которой мы, возможно, когда-нибудь столкнемся.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Слово предоставляется профессору Владимиру Евгеньевичу Триодину.

В. Е. ТРИОДИН: — Честно говоря, я не попросил бы слово и не вышел бы к этой трибуне, если бы Абдусалам Абдулкеримович не заговорил здесь о часах Судного дня. И тут меня осенило: что-то мы все больше говорим об общем и не говорим конкретно о человеке, человеческое начало у нас отошло на задний план. А я бы хотел поставить конкретный вопрос непосредственно о человеке: если Германия Гёте могла превратиться в Германию Гитлера, если после двух мировых войн возникла угроза третьей, а Абдусалам Абдулкеримович Гусейнов заговорил о часах Судного дня, если мы столько говорили об экологических проблемах, а кто-то даже выдвинул концепцию экологического императива (нечто вроде Нагорной проповеди), тогда в принципе человек воспитаем или все это происходит по его желанию? По Достоевскому, человек — это поле битвы между Богом и дьяволом, и не всегда, а может быть, вообще никогда, Божественное не побеждает, а все чаще берет верх дьявольское. Цитирую Библию: «и раскаялся Господь, что создал человека на земле, и воскорбел в сердце Своем».

А я, как на исповеди вам говорю, пару дней назад тоже воскорбел в сердце своем. Почему? А потому что увидел отчет Генеральной прокуратуры, в котором было сказано, что все больше граждан с высшим и средним специальным образованием становятся преступниками. Значит, что получается? Чем больше мы с вами учим, тем преступники умнее и грамотнее. И здесь я хочу сказать, что педагогика не выдержала испытание жизнью, среда оказалась сильнее и значительнее воспитания. И тогда возникают очень серьезные вопросы. Не зияющие ли пустоты все эти педагогические концепции? Не строим ли мы в своем педагогическом воображении, а я тоже педагог с многолетним стажем, некие острова утопии? И не есть ли даже самые талантливые педагоги, к которым я, конечно же, отношу Александра Петровича Маркова, всего лишь «очарованные странники», думающие о том, что из их аудитории выйдут окончательно святые люди? А чтобы встать на защиту педагогов, я хочу сказать, что

мне этот вопрос кажется фундаментальным и главным. Я глубоко убежден в том, что вся наша образовательная и воспитательная система не может существовать конструктивно без ответа на вопросы: а) какое государство мы строим; б) какой тип личности нам нужен; в) какая система ценностей у нас есть?

Если подвести краткие итоги вчерашней дискуссии, то мы просто разводим руками, не зная, то ли у нас основные знания, то ли приблизительные. Мы все время цитируем памятник древнерусской литературы «Слово о погибели Русской земли», а слов о новой России, будущей России, которая нам нужна, мы не находим. То ли мы строим град Китеж, или европейскую систему ценностей, или новое евразийское государство, то ли возрождаемся как СССР? К стати сказать, если мы без конца хорошо отзываемся о советской системе образования, то, очевидно, еще и потому, что она (я сейчас не говорю о том, хорошая она была или плохая) четко представляла себе, на какое государство работает, какая в нем система ценностей, какой тип личности ему необходим.

Сегодня мы всего этого лишены и поэтому не можем ответить на поставленные вопросы. А когда мы ответим на них, тогда начнется настоящая педагогика, и в ней самым главным будет человек, ориентированный не только на знания, но и на внутренние качества. Кто был с экскурсией в Царскосельское лицее, видел мемориальную доску, там только одна надпись: «Здесь воспитывался Пушкин». А я бы сегодня написал: «Здесь учился Пушкин». Когда мы будем обращать внимание на то, что, например, Марков называет душой человека, кто-то другой — внутренним миром, когда мы перейдем только от знаний к душе, или к нравственному кодексу, или к Нагорной проповеди, то сформируем симфонически мыслящую личность, соединим гуманитарное образование с технократическим, и гуманитарное поставим на первое место.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Слово имеет профессор Владимир Евгеньевич Лепский.

В. Е. ЛЕПСКИЙ: — Уважаемые коллеги, вчерашняя панельная дискуссия философов четко определила основания, по которым можно создавать какие-то подходы, концепции, технологии для движения человечества в будущее. Я попробую своими словами переформулировать, как я вижу эти основания и использую их в своей работе. Первый момент, самый главный: были четко определены ценности, причем их не так много. Фактически были выделены две базовые ценности: первая — сохранение человека и человечества и вторая — сохранение природы и окружающей среды. Из этих ценностей очевидно следует, что сегодня рыночный эгоизм и эгоизм общества потребления не могут работать на будущее. То есть экономика перестала быть локомотивом развития, что четко зафиксировали наши экономисты О. Т. Богомолов, Р. С. Гринберг и др. Запад на эту тему молчит, иногда только, между прочим, Обама и Саркози на крупных форумах высказывались о том, что сегодня капитализм с его эгоизмом в принципе не перспективен.

Второй момент. Когда мы пытаемся создать какие-либо механизмы движения вперед и как-то определить их контуры, возникает одна из принципиальных проблем — проблема сложности. Все дело в том, кто управляет? Сложность управляющего или управляющей системы и сложность объекта управления, которым является все планетарное сообщество, сегодня не соизмеримы. А они должны быть соизмеримы, чтобы это были более или менее грамотные ходы управления. Сегодня сложность так называемой вертикали власти, особенно в России, несопоставима со сложностью общества. Она в принципе не может управлять. Поэтому все законы, вроде бы благие, которые сейчас принимаются о стратегическом планировании, проектном направлении, — это сотрясение воздуха, они не реализуются на практике. Они приняты еще в 2014 году, но сегодня — ноль эффекта. Что же делать? В этих вопросах я базируюсь на концепции постнеклассической научной рациональности, которая является рыночной по отношению к предыдущим — и к неклассике, и к классике, поэтому вбирает в себя все технологии и подходы. На этой основе сегодня разработаны онтология и социогуманитарные технологии, которые я называю саморазвивающимися средами.

На самом деле эти идеи были разработаны еще в 1980-е годы, когда я отвечал за человеческий фактор в автоматизации управления страной, но сегодня они обрели очень четкие философские основания. Приведу пример внесения этих идей в зарубежный дискурс. В этом году мне довелось вести секцию на мировом конгрессе по системному анализу и кибернетике в Риме, где я высказал идею о том, что те управленческие подходы, которые сформировались на Западе фон Фёрстером и другими учеными, сегодня уже недостаточно совершенны. И мы вводим другой подход с позиций философских оснований российской культуры. Америка и Западная Европа не могут выйти на них в силу ограниченности из-за доминирования у них позитивизма, бихевиоризма, либерализма. Они не могут прийти к целостности. А сегодня целостность в движении вперед — это главнейшая проблема. Кто-то здесь говорил о субъектности, но это не субъекты личности, личность здесь ни при чем. Личность важна в истории. Но здесь нужно создавать метасубъекты, которые не зависели бы от отдельных порывов личности. Мы создаем субъектные среды, то есть макросубъекты. На этом мировом конгрессе я выделил кибернетику третьего порядка — постнеклассическую социогуманитарную кибернетику саморазвивающихся сред.

Благодаря тому, что у меня сложились доверительные отношения с некоторыми влиятельными американцами, они меня не похоронили, а внимательно слушали, изучали мои идеи, отправили мою статью на экспертизу к шести экспертам со всех континентов. И все эксперты дали положительные заключения, что это действительно самое интересное, самое полезное, надо работать сообща. Сейчас намечено проведение конференций в Вене, Китае, симпозиум коллективных процессов управления в Институте философии в Москве, на который приедут ведущие американские и ев-

ропейские специалисты. То есть сегодня происходит, так сказать, вброс российской философии с учетом ее прошлого. Называли много фамилий, в том числе Вернадского. У нас совсем другие основания — основания целостности планетарного мировоззрения, мышления.

Те американцы, которые занимаются системами анализа кибернетики, сегодня подстраиваются под нас. Им трудно это делать после того, как в 1953 году у нас кибернетика считалась лженаукой, а в 1954-м в философских словарях уже стала светлым будущим человечества. Так вот сегодня в этом плане мы опережаем их. По практике, по разнообразным гаджетам мы плетемся далеко в хвосте, а через системный анализ и кибернетику выходим в мировые лидеры философских взглядов постнеклассики. Там нас пускают, а вот в остальных направлениях не хотят видеть нас лидерами. Здесь мы с Вячеславом Семеновичем Степиным обсуждали, что, наверное, это правильный ход двинуться в том направлении, пройдя локомотивом через самые главные проблемы управления. Кстати, мне поступают десятки предложений использовать мои технологии в Донецке, Луганске. Сегодня самый главный вопрос решен: мы получили грант на систему управления страной, и все другие структуры, которые связаны с ситуационными центрами, будут под нас подстраиваться.

— *Вы сказали, что субъект — это неактуально, а макросубъект — наоборот. А что такое макросубъект?* (вопрос из зала)

В. Е. ЛЕПСКИЙ: — Я решил не заострять на этом внимание. Если интересно, у меня на эту тему есть отдельная монография «Аналитика сборки субъектов развития». Там освещено все — от личности, группы, организации, структуры до мирового сообщества.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Я думаю, что в этой аудитории Вы тоже приобретете новых сторонников и соратников. Слово имеет профессор Маргарита Вениаминовна Силантьева.

М. В. СИЛАНТЬЕВА: — Я хотела бы очень коротко поделиться некоторыми мыслями, во многом инициированными блестящим выступлением Абдусалама Абдулкеримовича на панельной дискуссии, где был поставлен вопрос о времени. Мне кажется, что в рамках философского обсуждения категориальный анализ чрезвычайно уместен, потому что это как раз средство понять те возможные модели конструктивной сборки, по которым дальше двигается то или иное системное планирование. И здесь, мне кажется, встает очень серьезный вопрос — вопрос о поиске немотивированных самопроекции, которые можно с легкостью имитационно представить как некие объективные закономерности и затем с тем или иным успехом обосновать, предложить в качестве технологических конструкций. Поэтому я бы поставила сразу несколько вопросов: что такое кризис, почему он возник, как протекает, зачем мы с ним боремся, кто в нем находится и кто может ему

противостоять? Очень кратко раскрою каждый из этих пунктов. Прежде всего кризис — это греческое слово, и здесь трудно однозначно сказать, запад или восток Греции лежит в основе этого типа мышления. Собственно, тема кризиса культуры — это тема Ницше, который и акцентировал ее, потом она вошла в обиходную систему координат.

Что случилось с нами? Почему мы оказались в кризисе? Это прежде всего кризис мышления, разрыв онтологических мостов и, как потом сказал Поль Рикёр, обрушение мостов между временем и вечностью. Сегодня многие в позитивном ключе говорят о динамизме математики, представители естествознания и естественные гуманитарии тоже говорят о динамике. Да, это замечательно, — динамика, нелинейные связи к тому же, но если посмотреть вглубь, то динамизм в той или иной формулировке — историцизм ли это или антиисторицизм — это то, что разрушает стабильность по определению. Как же найти возможность остановиться? Прежде всего это вопрос о времени, этнологической причине кризиса и возможности поиска выхода из него. Мне представляется, что в основе понимания времени как трансцендирования заложены бомба разрыва с бытием и бомба, которая сегодня реализовалась в капитализации времени, — то, о чем писал Данте. И у него, как вы помните, ростошники оказались ближе всего к озеру Коцит. Почему? Потому что они спекулируют тем, что им не принадлежит, — временем. Время, которое выразилось в трансцендировании, разорвавшем связи со смыслом и бытием, не просто капитализировано, оно еще до предела симулятивно.

Что можно этому противопоставить и зачем нужно что-то противопоставлять? Зачем, думаю, — априори понятно, потому что человечество и человек хотят самосохранения. Что можно противопоставить самосохранению? Здесь я бы позволила себе небольшой комментарий к позиции академика Степина относительно ценностных матриц. Я бы даже сделала такой акцент: идет борьба за сохранение метаматриц, цивилизационных глобальных установок на то, что истина дана не как оценка — «ты прав, а он не прав», «правильно — садись, пять, неправильно — садись, два», а как установка, что есть что-то выше меня как единичного субъекта, выше нас как группового конструированного субъекта, есть что-то такое, что определяет беспощадную цену любого действия. Кстати говоря, я заглянула в словарь и была приятно удивлена тем, что слово «динамика» означает не просто мощь, скажем, вооруженных сил, движение, а еще и ценность, стоймость. А еще культура в смысле вспаханной почвы.

И последнее, что хотелось бы отметить: все-таки человек или постчеловек делает этот шаг к поиску баланса самого трудного состояния динамизма, причем баланса, который не статичен, а динамичен. Делает это, конечно, человек как проект и захвативший сегодня умы симулятор постчеловека. Я думаю, что это все-таки установка, которая растворится на основании идеи о том, что, как мы видим из истории, выживает то, что, может быть, не заявляет громко о себе и поначалу даже не имеет власти, но глубоко укорене-

но во вспаханной почве. Поэтому то единственное, как мне кажется, что мы можем делать, — это поддерживать устойчивую трансляцию здоровых понятий в их динамическом развитии. Да, меняется жизнь, меняется человек, но он не обязан становиться постчеловеком. Поэтому цены нет нашему образованию — здесь я соглашусь с коллегами. Путь нашего образования связан с понятиями нравственности, философией. Кстати, мы создали новый журнал, который называется «Концепт: философия, религия, культура». Мы это сделали не для профессиональных, так сказать, самопрезентаций, а для того, чтобы он стал своего рода площадкой. И я приглашаю всех к сотрудничеству.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Мы рады, что у нас появился еще один журнал, который вполне соответствует теме нашей секции. Пожелаем успеха этому новому начинанию. Слово предоставляется профессору Николаю Андреевичу Хренову, нашему лидеру в области проблем философии культуры и культурологии.

Н. А. ХРЕНОВ: — Последнее десятилетие мы много размышляли о культуре. И ректор Запесочский много занимался вопросами культуры, и Александр Петрович Марков исследовал эту тему. Они — большие энтузиасты. На Лихачевских чтениях мы все время касались этого вопроса. В этот раз как-то меньше об этом говорим. Между тем, выходя из режима тоталитаризма, мы возлагали большие надежды на культуру, то есть относились к ней как к средству преодоления кризиса в других сферах и вообще в государстве. Уже и экономисты начали говорить о культуре, ставя в зависимость от нее экономические процессы. Мы думали, если культуре позволят беспрепятственно развиваться, то все остальное наладится. Нет, не наладится. Она с этой миссией не справится. Почему? Да потому что культура сама больна и находится в серьезной опасности, которая связана с тотальным кризисом.

Чтобы показать это, нужно понять характер взаимоотношений между тремя «персонажами» — культурой, цивилизацией и государством. Под цивилизацией будем подразумевать не макроцивилизацию, о которой вчера говорили, а материально-технический блок. И я попробую эти три силы одушевить, оживить. Отношения между ними непростые, можно сказать, драматические, в истории они постоянно меняются местами, каждая из них стремится стать ведущей, от которой оказываются в зависимости все остальные. Это, если хотите, и причина кризиса, и в какой-то степени следствие стихийного развертывания процесса. С начала XX века главным становится все что угодно, но только не культура, хотя кажется, что это совсем не так, поскольку о ней все больше говорят. Возьмите русских символистов: они же не просто создавали картины, писали стихи, они сознательно ставили своей целью сформировать принципиально новую культуру. Помоему, большевики это просто позаимствовали. Спустя время Хейзинга пишет: «Культура обременена таким грузом всяческого вздора и нелепых идей, какого никогда прежде не несла миру». Философ вопрошает: «Что делать с такой культурой? Разве фантом, возника-

ющий перед нашим взором при слове “культура”, имеет право носить это имя?».

Нам, представителям отечественной науки, странно это читать, потому что мы последнее десятилетие переживали этап идеалистического отношения к культуре. Казалось, что остался только один институт, который себя не скомпрометировал в истории. Последнее десятилетие культура ассоциируется со всем позитивным. Возможно, такой образ культуры мы сами себе придумали. На основе этого настроения даже возникла целая наука, которую назвали культурологией. Но нам хотелось бы, чтобы так было, в реальности этого нет. А почему, собственно, возникла специальная наука о культуре? Первый ответ на этот вопрос такой: потому что очень много разрушили в культурном наследии, в человеческих отношениях и в экологии, поэтому именно у нас и активизировалась рефлексия о культуре и возникла целая наука. Но не только поэтому. Читая Бодрийера, я обнаружил у него мысль о том, что возникновение науки связано с утратой ее предмета или опасностью его утраты. У него, правда, речь идет об этнологии, но это неважно. То же в XX веке произошло и с культурой как с предметом науки.

Теперь о государстве. Вот уже несколько десятилетий мы пытаемся понять, почему в первой половине XX века государство вышло на первый план и как так получилось, что вместо средства выживания оно на какой-то момент превратилось в то, что обычно называют вызовом с большой буквы. Государство вытеснило культуру на обочину, самонадеянно взялось управлять ею и, следовательно, стало выполнять те функции, которые всегда осуществляла культура. И сегодня, между прочим, такие поползновения наблюдаются. Но ведь не только государство управляет культурой, но и культура — государством. Главная ее функция — выживание людей, обществ, всего человечества, только она это делает своими способами. Почему же культура в России оказалась вытесненной на периферию? Ведь еще в начале XX века все свидетельствовало о том, что на первые роли претендовала именно культура. Недаром этот период истории некоторые мыслители называют не только Серебряным веком, но и культурным Ренессансом, сравнивая его с западным Ренессансом XV–XVI веков, хотя другие его сравнивали с поздним эллинизмом, с распадом Римской империи. Не все считали, что это Ренессанс, некоторые полагали, что это декаданс. Видимо, в реальности было и то, и другое одновременно.

Искусство, как утверждали Рене, Руссо, Шиллер и другие, расцветает вовсе не в благополучные эпохи, а в эпохи упадка. В России были упадок, надлом и распад империи. Но поскольку российская цивилизация всегда существовала в форме империи, то это воспринималось и как распад цивилизации. Все-таки начало XX века свидетельствовало о том, что культура двигалась к радикальным изменениям, совершенствованию, но все обернулось очередной смутой в российской истории. Прекрасный филолог Топоров проводил параллель между XVII и XX веками: задумывали одно, а получилось другое, получился новый вариант империи в соответствии с византийской традицией.

Пожалуй, в реальности был не культурный Ренессанс, а всего лишь один из малых ренессансов. У Пановского есть такая идея: большому западному Ренессансу предшествовало несколько малых, еще до XV века. А дальше, как и на Западе, разворачивается Реформация, она то ли продолжает Ренессанс, то ли, наоборот, ему противостоит, стирает все его достижения. А почему? А потому что далее в истории начинается процесс омащивления. Входя в историю, масса демонстрирует свою ментальность и то, что обычно называют тоталитаризмом, возникает на основе и при активном участии этой ментальности. И дело не в лидерах — сталины всегда находятся, дело в противоречиях рождающегося индустриального общества. Так мы приходим к государству — ситуации, когда государство стало играть первостепенную роль. И Хейзинга говорит: «Государство все более расширяет сферу своей деятельности... Намечается перевес политического над культурным, что означает потери и опасность для человечества».

Хотел бы только процитировать Фромма относительно последствий цивилизационного прогресса. Это суждение, мне кажется, способно поколебать наш восторг перед технологиями. Касаясь тяготения современного человека к техническому, а значит, неживому, он говорит: «Тенденция к возведению технического прогресса в высшую ценность связана не только с чрезмерным акцентом на интеллект, но, что особенно важно, с глубокой эмоциональной привязанностью ко всему механическому, неживому, изготовленному человеком. Пристрастие к неживому, которое в своей крайней форме оказывается пристрастием к смерти и распаду (некрофилия), в менее резкой форме ведет к безразличию по отношению к жизни вместо благоговения перед жизнью». Это к тезису Владислава Александровича Лекторского по поводу отношений между наукой и технологией и техникой. Технологии извлекают из человека то, что несет смерть. Технологии — это, конечно, чудо чудное, но ведь можно незаметно перешагнуть грань, когда человек начинает расчеловечиваться. И тут третьей мировой войны даже не нужно. И в конце я хочу вспомнить вчерашнюю метафору нашего ведущего, академика Гусейнова: «чикагские часы еще идут».

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Слово предоставляется профессору Алексею Николаевичу Фатенкову.

А. Н. ФАТЕНКОВ: — Инновационный декаданс (так можно определить нынешнее состояние общества) — это разложение содержательных форм в угоду бессодержательным. Так называемое возвышенное падение — это не оксюморон. Когда традиционное общество говорит о возвышенном, подобные рассуждения корректны (там есть вертикаль, иерархия, низкое и высокое) и оно легко идентифицируется. Когда современное общество уничтожает иерархию и утверждает равенство, сложно отличить возвышенное от стороннего или от того, что лежит на поверхности. Надежных средств идентификации не существует. Инновационный декаданс — это основополагающая (скорее всего,

негативная) тенденция, но назвать ее кризисом в строгом смысле тоже нельзя.

На Лихачевских чтениях коллега из Канады П. Дуткевич озвучил негативную тенденцию, получившую распространение в современном мире, — тотальное вранье. Мы привыкаем ко лжи не только с экранов телевизоров, но и самим себе.

На заседаниях много говорилось о системе. Предполагается, что система обладает свойствами, несводимыми к свойствам элементов, из которых она состоит. Значит, антропные и человековключающие системы могут содержать элементы нечеловечности или даже бесчеловечности. Если речь идет о системном кризисе (если мы сможем его обнаружить и идентифицировать), то это кризис нарастания нечеловеческого или бесчеловечного в антропных или человековключающих системах.

Академик А. А. Гусейнов затронул тему капитализма. Если говорить о ситуации, сложившейся в нашей стране, то следует констатировать, что мы живем в капиталистическом обществе, мало чем отличающемся от западного, только приукрашенном традиционалистской мишурой. Без этой констатации все дальнейшие разговоры оказываются никчемными. Капитализм переживает очередную стадию, может быть, последнюю, но точно не высшую. Внутренняя логика капитализма такова: сначала доминирует реальный производитель, его сменяет производитель номинальный, на смену номинальному производителю приходит универсальный анонимный посредник — деньги. Сегодня деньги доминируют в мире, мир капитализма — это мир посредников и посредственности.

Относительно международного права я отчасти согласен с мнением В. Т. Третьякова, который сказал, что к праву апеллирует не сильный, а слабый. Чем чаще сегодня мы обращаемся к праву, тем чаще показываем, что недостаточно сильны. Международное право наличествует, но политики существуют не в праве, а рядом с ним. Потому что если бы политики существовали в рамках международного права, то они вообще не были бы нужны.

Поможет ли преодолеть кризис религия? Я, как человек светской культуры, а прежде советский человек (со склонностью к индивидуализму, либерального толка), считаю, что религия не поможет стратегически, потому что в религиозном плане человек — существо ведомое (его сверху кто-то направляет). Философия изначально учит принципиально иному: человеку тяжело жить в этом мире, но он (в слезах, иногда на четвереньках) может пройти по жизненному пути.

Что делать? Можно предложить много проектов людям, которые сегодня находятся у власти, но они будут бессмысленны, если мы не будем каждый день защищать свое достоинство, которое попирается со стороны технократии. Если мы сможем защитить собственное достоинство, то ко многим проектам отнесутся с большим вниманием.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Я хочу поблагодарить всех за сотрудничество и передать функции ведущего этого мероприятия академику Владиславу Александровичу

Лекторскому. А сейчас слово предоставляется профессору Михаилу Яковлевичу Сарафу.

М. Я. САРАФ: — Профессор Н. А. Хренов уже озвучил многое из того, о чем я хотел сказать.

Несколько слов о сущности системного кризиса (имеется в виду кризис цивилизации современного общества). Суть всякого кризиса (творческого, политического, экономического, кризиса в личной жизни) состоит в том, что становятся непригодными прежние способы и методы решения проблем. Возникает необходимость поиска новых методов, потому что старые уже нельзя применить. Поскольку функция всякой сложной системы (я имею в виду живые и социальные системы) заключается в способности к собственному воспроизводству, то кризис состоит в том, что система утрачивает эту способность или, по крайней мере, затруднено ее воспроизводство.

Поскольку сейчас от категорий цивилизации мы перешли к категориям культуры, следует сказать, что основная функция культуры — общественное воспроизводство — сохранится. Кризис современной культуры и ее современного цивилизационного типа обуславливает трудности или невозможность воспроизводства человека. Значит, нужны новые методы. Поскольку функция воспроизводства цивилизации достаточно сильна, функция воспроизводства человека ослаблена, отсюда противоречия в ее структуре (политические, религиозные и др.).

Актуальным становится определение методов обеспечения воспроизводства функций культуры и ее современных цивилизационных типов. Приведу пример. Воспитывая людей в духе гуманизма, классической литературы и марксистского мировоззрения, мы всегда уповали на то, что народ — движущая сила истории. А сегодня народ оказывается лишним, потому что нефть можно качать независимо от того, существует народ или нет. Кроме того, народ нужно кормить. Главный субъект, который мы понимали как субъект культуры, становится лишним, изживает себя. Этот парадокс должен быть преодолен.

В. А. ЛЕКТОРСКИЙ: — К микрофону приглашается профессор Галина Григорьевна Коломиец.

Г. Г. КОЛОМИЕЦ: — Вначале я хочу обратиться к молодому поколению и задать вопрос об их самоидентификации: «Кто ты такой?». Первое, что ответит российский студент: «Я — человек», тем самым он заявляет о своем достоинстве.

В качестве эпитафии мне хотелось бы процитировать ст. 21 Конституции РФ: «Достоинство личности охраняется государством. Ничто не может быть основанием для его умаления. Никто не должен подвергаться пыткам, насилию, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению или наказанию». Речь идет, по сути, о двух сторонах человеческого достоинства: с одной стороны, об индивидуальном, религиозном, национальном, с другой — о достоинстве в широком смысле, человека вообще. С точки зрения чувства собственного достоинства Восток

и Запад, как мне кажется, имеют общую точку роста ценностей.

Древнекитайская философия гласит: «Целостная жизнь занимает первое место, ущербная жизнь — второе место, смерть — третье место, а жизнь под гнетом — последнее место». Самое страшное для человека — потерять достоинство (ущербная жизнь под гнетом).

С антропологической точки зрения можно сформулировать понятие человеческого достоинства в глобальном мире следующим образом. Во-первых, человеческое достоинство выступает в качестве идеальной модели этики ненасилия. Может быть, сегодня это звучит утопично, но мы должны руководствоваться этикой ненасилия и помнить о том, что сказано в Конституции.

Во-вторых, человеческое достоинство выступает важным фактором в осознании человеком и человечеством ответственности за существование глобального мира. Здесь мне хочется обратиться к тому, о чем говорил В. С. Степин: человек и человечество ответственны за существование глобального мира.

В-третьих, человеческое достоинство выступает важным фактором в утверждении достойного образа жизни благодаря разумной, созидательной деятельности. Согласно марксистской антропологии, родовая сущность человека — производить, человек — производитель. Но еще имела в виду и созидательно-творческая сущность. Человек — производитель, значит, потребитель. Если постоянно что-либо производить, то растет стремление к потреблению, которое мы не можем остановить. Само понятие «достойный» указывает на высокое качество состояния, его полноту и достаток. Где предел этого достатка? Возникает метафизическая безграничность, может быть, как путь к чему-то более совершенному и в то же время феноменальное проявление достоинства в границах возможного. В данном случае достоинство человека связано с главной силой — нравственной (этика).

В рамках школьного образования вводится дисциплина «Этика», причем в трех вариантах (на выбор) — религиоведение, основы конкретной конфессии или светская этика. То, что в нашей стране уделяется внимание этике, — хороший показатель.

Воспитание возможно только с точки зрения нравственной силы. Что может стать неизменным ядром в глобально меняющемся мире? Это неизменяемое вечное — принцип умеренности. Чувство меры было главным принципом этики, добродетели в Античности, на Востоке, но мы о нем забыли.

Академик Гусейнов высказал мысль о том, что техногенная цивилизация находится в кризисе. В этом можно усмотреть концепт предчувствия, который свойствен нашему миру, особенно молодежи. Приведу пример. Недавно я дала задание группе студентов-дизайнеров (35 человек) придумать современный концепт, который можно было бы выразить визуально. Все, не сговариваясь, сделали проект философского концепта — страх, хаос, лабиринт и пр. Мнение присутствующих студентов можно обозначить как концепт хаоса, в ощущениях преобладает концепт предчувствия. Воз-

вращаясь к теме нравственной силы, хочу сказать, что достоинство человека нужно воспитывать в процессе образования.

В. А. ЛЕКТОРСКИЙ: — Слово предоставляется профессору Татьяне Викторовне Кузнецовой.

Т. В. КУЗНЕЦОВА: — Мое выступление посвящено особенностям русской цивилизации. Россия, как особая цивилизация, имеет свою специфику. Главными в концепции являются наличие высокого уровня образования, умственного капитала, поддержание информационных сетей, высокая потребность в творчестве с целью гармонизации с социокультурной средой.

Как справедливо сказал академик Моисеев, мы должны учитывать особенности русской цивилизации, менталитета, современного состояния огромного народа при решении проблем, связанных с выходом страны из экономических и нравственных тупиков.

Деньги пронзают историю насквозь, влияя на ее результаты и меняя человека. В них накапливается исторический смысл человеческой деятельности. Социальные силы человека уравнивают возможности и права людей, поэтому человек зачастую верит в сверхъестественные возможности денег. Социальные силы человека, опредмеченные в деньгах, меняются по мере возрастания их роли в обществе. Сегодня деньги в форме финансового капитала воплощают социальную силу человека, поэтому не остается сомнений во всемогуществе этого финансового капитала. Об этом писали Шпенглер, Гёте, Карл Маркс и др. Финансовый капитал олицетворяет высшую степень цивилизации, которой достигло человечество.

Человек современного типа занял место доминирующего вида и способен жить где угодно. Об этом писал еще исследователь эволюции Карл Циммер в своей книге «Эволюция. Триумф идей» (2013). Человек столкнулся с новой формой культуры — компьютером, который может более эффективно расширить возможности головного мозга, чем книга. Информация в компьютере хранится в более компактной форме, хотя это орудие способно обрабатывать информацию примерно на тех же принципах, что и человеческий мозг (компьютер воспринимает, анализирует и планирует). С 1970-х годов компьютеры начали объединяться во Всемирную паутину, которая теперь пронизывает весь мир. Действие Всемирной паутины охватывает весь земной шар, включая компьютеры, автомобили, кассовые аппараты, телевизоры и пр. Мы окружили себя глобальным мозгом, который соединен с нашим мозгом, а наш интеллектуальный вес все сильнее зависит от этой «грибницы».

Карл Циммер в своей книге «Эволюция. Триумф идей», в частности, писал, что компьютеры честно выполняют все, что мы им велит. Они могут управлять полетом межпланетного аппарата, совершающего маневры вокруг Сатурна. Поэтому сложно предположить, во что может вылиться эволюция глобальной компьютерной сети. Не исключено, что со временем наша культура станет дорогим гостем, мозгом-симбиозом. Может ли компьютер превзойти человека, кото-

рый в состоянии уничтожить все человечество? Конечно, может, но только в том случае, если за агрессивным роботом встанет агрессивный человек, заинтересованный в античеловеческих последствиях программы, заложенной в него.

Итак, история постепенно формирует все более человеческую природу человека. Недавно в СМИ появилась информация, что в течение 10 лет наука изменит нашу жизнь, например в космосе появятся заводы по производству таблеток, влияющих на человеческий разум. Дело философов и культурологов — определить, как будет формироваться история и как она повлияет на человеческую природу. В этом главный смысл нашей деятельности.

В. А. ЛЕКТОРСКИЙ: — На трибуну приглашается Максим Анатольевич Мануильский.

М. А. МАНУИЛЬСКИЙ: — Ключевой проблемой современного мира становится экспансия насилия. На одной из конференций А. А. Гусейнов выступил с идеей о запрете насилия как такового. Один из аргументов — использовать насилие в качестве исключения. Но это порочный принцип. На мой взгляд, необходимо добиться полного исключения насилия из жизни. Это непростая задача, возможно, даже невыполнимая. Ее решением должны заниматься ООН и международные организации.

В научной жизни имеются примеры, когда ученые выступали по поводу миропорядка, например манифест Рассела–Эйнштейна. Предлагаю на следующих Лихачевских чтениях разработать проект о запрете насилия и принять соответствующее обращение. В свое время Д. С. Лихачев создал «Декларацию прав культуры», сегодня этот документ имеет огромное регулятивное значение.

В. А. ЛЕКТОРСКИЙ: — Слово предоставляется Аиде Николаевне Мосейко.

А. Н. МОСЕЙКО: — Пленарное заседание Лихачевских чтений подтвердило наши ощущения — мир неблагоприятен, набирает силу тенденция разрушения (среды обитания, семьи, религии, идентичности человека, этноса, государства и т. д.). Академик Гусейнов, на мой взгляд, правильно определил проблему, выделив два варианта будущего: первый — это улучшенное настоящее (или злое настоящее — такой вариант предложил сегодня один из выступавших); второй вариант — другое будущее.

Я хотела бы поговорить о другом будущем. В мире существовало много вариантов другого будущего. Как правило, эти проекты выдвигали слабые, бедные, грешные одиночки (Христос, Будда, Маркс, Ленин и др.), но многим из них удалось изменить мир. Главное изменение состояло в том, что они изменили человека. Великие идеи в первую очередь воздействуют на человека, приподнимают его над обыденностью и внушают ему чувство ответственности не только за себя, семью, но и за мир. При социализме мы жили бедно, наш быт был не устроен, но у нас была ответствен-

ность за мировые проблемы (за Гренаду, Вьетнам, Африку). Эта ответственность была тем механизмом, который был способен изменить мир и создать другое будущее. И мир менялся. Сегодня сложно найти великие идеи. Наша страна, люди, к сожалению, утратили способность отвечать за судьбы не только мира, но и собственной страны.

Профессор Марков сказал, что будущее — за мусульманством. Ислам — великая сила, и, как ни кощунственно это прозвучит, ИГИЛ предлагает идеи нового мира, другого будущего. В этом состоит его привлекательность для молодежи.

Предлагаю присмотреться к другому миру — миру темнокожего населения (Африка, США, Бразилия и другие страны), в котором витают интереснейшие идеи. Например, идея черной теологии — реформации современного христианства. К 2025 году Африка займет первое место по численности христиан. Уже сейчас в Африке христиан больше, чем мусульман. Один из философов и теологов Южно-Африканской Республики сказал следующее: «Господь когда-нибудь спросит каждого из нас — где ты был, черный человек, когда белый человек отказался от Евангелия и обратился к разрушению мира? Почему ты не остановил его? Это — твой грех». Он прямо поставил вопрос об ответственности за судьбы мира.

Известный африканский ученый Али Мазруи (одновременно и американский ученый, директор Института глобальных культурологических исследований при Нью-Йоркском университете) сказал: «Работоторговля косила чернокожее население по всему миру. Сегодня Солнце не заходит для сынов Африки, и мир стал нашей большой деревней, в которой мы жили раньше. Мы хотим сделать этот мир человечнее». Таких теорий много, существует даже черная иконография (Христос с Нельсоном Манделой, чернокожий Христос и пр.).

В. А. ЛЕКТОРСКИЙ: — К микрофону приглашается Елена Владимировна Харитоновна.

Е. В. ХАРИТОНОВА: — Назову четыре основных тезиса. Первый тезис: темы, завяленные на Лихачевских чтениях, — это будущее. Нам необходим образ будущего. Мы, интеллектуальная гуманитарная элита России, должны начать создавать модели. Я присоединяюсь к предложению, высказанному здесь ранее, что на следующих Лихачевских чтениях нужно начать прорабатывать сценарии и выстраивать модели будущего.

Основатели общей семантики Ноам Хомский и Альфред Коржибски озвучили следующий тезис: «Карта не есть территория». Это значит, что карта недостаточно правдоподобно отражает реальность. Наши интеллектуальные построения могут быть полезными и продуктивными, если они максимально приближены к реальности. Но они могут быть схоластическими, умозрительными и контрпродуктивными, если не соответствуют реальности. Часто мы пытаемся поместить наши представления о мире в концептуальные рамки, не учитывая реальность.

Карл Маркс в свое время сказал, что самый плохой архитектор отличается от самой хорошей пчелы тем,

что прежде чем строить, он создает проект будущего здания. Нам нужно начать именно с этого.

Второй тезис. Образ будущего делает систему устойчивой и управляемой в настоящем. Пример — Советский Союз (при прочих моментах, за которые его можно критиковать). Образы, модели будущего, некий идеал всегда выстраивались ведущими тоталитарными режимами. Не случайно Ленин говорил о том, что из всех искусств для нас важнейшим является кино. Не случайно Гитлер (я говорю не о том, хорошо это или плохо, а о технологии, которая может быть эффективной или неэффективной) приблизил к себе кино-режиссера Лени Рифеншталь, создававшую эффектные образы, которые вели германскую нацию к поставленным целям.

Третий тезис: чтобы влиять на будущее, мы можем, выстраивая карту, говорить о стабильности, фазах, которые сменяют друг друга, но тем не менее в данном случае мы выступаем не как субъекты, а скорее как пассивные объекты. В Китае, образно говоря, можно сидеть на берегу реки и ждать, когда мимо проплывет труп врага. Но существуют и другие технологии, в частности целеполагание. Оно бывает двух видов: целеполагание из настоящего момента, когда, находясь здесь и сейчас, мы начинаем предполагать, каким может быть будущее, и целеполагание из будущего, когда мы представляем себе, каким мы хотели бы его видеть, а затем задаем вопрос: какой первый шаг мы должны сделать, чтобы оно было именно таким?

Оставим за скобками наших рассуждений целое направление инженерно-управленческой мысли, которое может быть обозначено как ТРИЗ — теория решения изобретательских задач Альтшуллера; ее достижениями сейчас пользуется весь мир, кроме нас. В этой теории есть понятие «идеальный конечный результат», который может быть отрицательным или положительным. Выстраиваются стратегии, технологии, как добиться идеального конечного результата со знаком «плюс» и как заблокировать идеальный конечный результат со знаком «минус».

Четвертый тезис — необходимы активные действия. Мы говорили о третьей мировой войне, о том, что нам делать, о хаосе, страхе, безнадежности, панике и т. д. Но мало кто знает, что в планы англосаксонского мира входило начать третью мировую войну 1 июля 1945 года. Но этим планам помешали активные действия СССР. Еще один пример: в планы НАТО входило создание американской военной базы в Севастополе. Эти действия также были предотвращены.

То есть история знает много примеров активных действий, основанных на интеллектуальных разработках (в том числе разведки), которые изменили мир и будущее. Модель будущего определяет настоящее и делает систему привлекательной.

Вербовка новых членов ИГИЛ потому и успешна (об этом упомянула в своем выступлении Аида Николаевна), что они предлагают привлекательную модель будущего. «Боко Харам» — западноафриканское отделение «Исламского государства», которое присягнуло на верность ИГИЛ, — призывает мусульман всего мира объединиться. Они вступают в ряды ИГИЛ, пото-

му что там сохраняются традиционные ценности, тем самым протестуя против западных ценностей и нарушения заповедей. Там, где есть традиции, это превращается в убийство, террор и тому подобное, но в основе этого лежит привлекательная модель. Нельзя победить идею автоматом Калашникова, расстрелять ее из пушек. Одной идее мы можем противопоставить только другую идею, более привлекательную, которая может объединить исламский и христианский миры и — шире — человечество и которая будет определять наше будущее.

В. А. ЛЕКТОРСКИЙ: — Слово предоставляется профессору Татьяне Иосифовне Ерохиной.

Т. И. ЕРОХИНА: — В ходе дискуссий я обратила внимание на несколько моментов, которые хотела бы озвучить. Когда коллеги говорили о кризисе цивилизаций, то почти не упоминали слово «культура» или говорили о ней мало по понятным причинам: потому что говорили о кризисе цивилизаций в первую очередь в сфере экономики, политики, права. В связи с этим разговор о культуре возник контекстуально, когда речь шла о философском подходе.

В контексте философского, культурологического подхода кризис трактуется неоднозначно. Я соглашусь с мнением Г. М. Бирженюка, что черты кризиса одно-моментно присущи и культуре, и цивилизации. Высказывался даже оптимистический прогноз, что мы переживем очередной кризис, поскольку это всегда было и будет свойственно культуре. В целом меняется соотношение понятий «культура» и «цивилизация», уходит на задний план традиционное противопоставление культуры и цивилизации (которое было свойственно теориям Шпенглера, Бердяева). В настоящее время мы пытаемся осмыслить ситуацию. Кризис цивилизации должен был привести к расцвету культуры, но этого не произошло. Мы говорим о доминировании массовой культуры, которая в таком случае провозглашает не кризис, а благополучное процветание цивилизации как общества потребления.

В связи с этим мне понятна реакция Н. А. Хренова на спектакль «Пьяные», поставленный БДТ, — он вызвал у него культурный шок. Я же шла смотреть не инсценированный текст (который я читала), меня интересовала театральная эстетика, поэтому я отнеслась к спектаклю иначе: он эстетически, театрально грамотно сделан.

Согласна со всеми коллегами, которые говорили о нищете, социальном дисбалансе, терроризме — эти факторы не являются признаком благополучного существования современной цивилизации. И не случайно в ходе нашей дискуссии возникло понятие «страх». Преодоление кризиса цивилизаций возможно только посредством изменения научной парадигмы, в которой соотношение культуры и цивилизации должно быть решено по-новому.

На мой взгляд, преодолеть кризис цивилизаций возможно, только если в основе цивилизационного подхода будут лежать идеи гуманизма, и об этом сегодня говорили, вспоминая Д. С. Лихачева.

Другая идея, которая высказывалась сегодня, — диалог культур — тоже не нова. Обращу внимание на две проблемы, которые сегодня отчасти затрагивались. Первая проблема — уровень образования. Мы говорили о том, насколько сегодня важен уровень образования и приводит ли он к криминализации. В одном из докладов, представленных на Лихачевские чтения и опубликованных на сайте, говорится о необходимости создания гуманитарной элиты. Но начинать нужно не с гуманитарной элиты, а со студентов, которых следует воспитывать в ходе наших лекций. Последние пять лет самый популярный среди студентов жанр зарубежной литературы — антиутопия (Хаксли, Брэдбери, Оруэлл). Когда я пыталась уточнить у студентов, почему их интересует этот жанр, то услышала парадоксальные ответы: они видят в нем проекции будущего, настоящего, того, что ждет впереди, но одновременно испытывают страх.

Вторая проблема, помимо образования, — понятие идентичности. Невозможно вести диалог культур, если не знать языка культуры (я работаю с текстами, поэтому говорю о языковом уровне). Вопрос определения идентичности сложен. «Я — человек» — замечательная идентификация, но если продвинуться дальше, то в лучшем случае студенты говорят о профессиональной и гендерной идентичности и часто стесняются говорить о национальной идентичности, потому что боятся, что это прозвучит националистически. В связи с этим интересна реплика студента, который попытался определить идентичность Фазиля Искандера. Он не соотнес идентичность с национальностью, а сказал, что для него Искандер — это писатель, который в своих произведениях стремится к созданию гармонии в мире.

Без освоения языка культуры диалог культур и цивилизаций невозможен, потому что если я не знаю языка, я отвергаю. Если язык культуры будет освоен, у молодого поколения будет сформирован более грамотный подход к тому, что происходит в современной культуре, и появится возможность преодолеть кризис цивилизаций.

В. А. ЛЕКТОРСКИЙ: — Слово предоставляется профессору Лидии Владимировне Матвеевой.

Л. В. МАТВЕЕВА: — Лихачевские чтения поражают концентрацией ученых высокого уровня, занятых исследованием базовых проблем человечества, и необыкновенной силой мысли. Такие дискуссии расширяют сознание. Хочу поблагодарить организаторов за то, что пригласили психологов на этот научный форум. Мы (я, В. Е. Лепский и коллега из Института Африки) представляем психологическую ветвь мысли в общегуманитарном хоре культурологов, философов, экономистов и правоведов.

Если рассматривать современные тенденции, то, с одной стороны, это ответственность, а с другой — эйфория от псевдолегкости доступа к информации, комфорту, удовольствиям и понимании себя как сверхмощного человека. В результате возникает ощущение (особенно у молодых), что технологии всемогущи

и могут заменить абсолютно все, что коммуникативные информационные технологии являются волшебной палочкой, позволяющей построить любое будущее, удобное, комфортное и независимое от способностей человека. Сейчас эта новая тенденция описывается в философии трансгуманизма: новые технологии (нано-, био-, техно- и социотехнологии) и прорыв одновременно на пяти методологических уровнях дают возможность использовать любую энергию, включая ядерную. Клеточные технологии позволяют думать о бессмертии на молекулярном уровне. Нанотехнологии обуславливают создание нового типа материалов, то есть человек может построить новый мир, но для этого он сам должен стать новым.

Получается, что мы движемся назад — к идеям Ницше. Сегодня основное приложение всех технологий — это изменение самого человека, его личности. Человек рассматривается как биологический, социальный объект, необходимый для трансформации и перехода к так называемой антропотрансформации. То есть мы должны создать сверхчеловека, используя био-, техно-, социо- и компьютерные технологии, — киборга. Этот подход позволяет вынести за скобки любые нравственно-этические проблемы, связанные с взаимодействием людей.

В 1991 году идеолог трансгуманизма Мор системно описывал этические установки и базовый принцип трансгуманизма в статье «Во славу дьявола», в которой он выступил от имени известного образа, фактически представляющего философию inferнального мира.

Что сейчас происходит в массовой коммуникации, обращенной к поколению, которое будет строить будущее? Одна из главных тенденций — полное отсутствие интимного стыда. Абсолютно все включается в визуальный ряд на телевидении или в Интернете. Отсутствие интимного стыда — один из симптомов шизофрении.

Вторая тенденция — неопрятность как норма (мода на рваные джинсы, грязные волосы, рубашки разной длины, не застегнутые на все пуговицы). А ведь неопрятность больного в любой психиатрической клинике является одним из первых симптомов нарушения психической регуляции.

Третья тенденция — главные герои наших мультфильмов. В настоящее время детям, в частности, нравятся мультфильмы «Губка Боб» (шут гороховый, который издевается над любой нормой) и «Карлик Нос» (человек, находящийся в непреодолимых жизненных условиях и занимающийся тем, что преодолевает их, то есть преодоление непреодолимого). Эти сверхлюди, обладающие сверхмощностью, проявляют так называемую нечеловеческую жестокость, примеры бесчувствия. Мы сильные, но при этом ничего не чувствуем, поэтому можем убить кого угодно. Страх перед убийством живого существа вообще снимается. Это тоже характерно для шизофреников. Другой итог — излишний рационализм.

Вчера в ходе дискуссии был озвучен тезис о прагматической цивилизации. Это означает, что чувствующее начало в человеке редуцируется: чем более человек бесчувственный, тем более он успешен, а цель

оправдывает средства. Идея «золотого миллиарда» — мы сверхлюди, а все остальные могут отдыхать. Только одному миллиарду хватит ресурсов планеты, а остальные шесть — лишние люди.

Детям и молодым людям навязывается безопасный секс, сексуальное образование начинается чуть ли не с третьего класса. Трамп победил, потому что белая Америка восстала в том числе против объединенных туалетов (в школах должны были сделать общие туалеты, то есть если мальчик считает себя девочкой, то может идти в женский туалет). Всё началось с простых вещей. Говорить о безопасном сексе в раннем детстве, когда дети еще не понимают, что это такое, — значит нивелировать «романтическую ветвь» в развитии личности, которая лежит в основе длительных семейных отношений.

Преклонение перед неживым — эту проблему в свое время поставил А. Платонов в своем рассказе «Корова». Платонов пишет, что зритель станции тепло относится к поезду, который тяжело поднимается на горку, помогает ему, подсыпая песок, и при этом нечувствителен к корове, которая потеряла теленка.

Сейчас мы фактически то же самое навязываем детям с помощью средств массовой коммуникации — преклонение перед неживым, технологиями — и при этом принижаем ценность жизни. Может быть, поэтому дети так легко расстаются с жизнью перед ЕГЭ — они не могут соответствовать жестким требованиям родителей и учителей, чувствуют себя неуспешными, неготовыми к испытаниям, им легче умереть, чем преодолеть новые препятствия.

Как выход из ситуации я предлагаю вернуться к идеям Д. С. Лихачева, который в своей книге «Письма о добром и прекрасном» пишет, что XXI век — это век гуманитарной науки, а технические науки должны быть технологически освоены. Поэтому считаю необходимым ввести в школьное образование, а также в вузах этику, психологию и культурологию (кроме истории и литературы) в качестве базовых предметов.

Необходимо повысить психологическую культуру в сфере коммуникаций, поставить под контроль контент массовой коммуникации, увеличив элемент психологической культуры и ответственности продюсеров и режиссеров за то, что они предлагают зрителям.

В. А. ЛЕКТОРСКИЙ: — Я учился в школе в сталинские годы, и нам преподавали психологию. Слово представляется профессору Марии Ивановне Козьяковой.

М. И. КОЗЬЯКОВА: — Хотелось бы вернуться к глобальным вопросам, которые были поставлены на Лихачевских чтениях, рассмотреть общий цивилизационный контекст и картину мира. Среди цивилизационных комплексов, которые сегодня были озвучены, — Запад, исламская цивилизация, Восток, Юго-Восточная Азия (очевидно, буддистская), но русской, российской цивилизации не было уделено должного внимания.

Максима Киплинга гласит: «Запад есть Запад, Восток есть Восток, и вместе им не сойтись». Мне кажется,

что точкой соединения может стать русская цивилизация. Я, как историк культуры, хочу обратить ваше внимание на некоторые аспекты. Крупнейшие специалисты, которые здесь выступали, говоря об экономических парадигмах и концептах, приходили к выводу, что дрейф от экономики идет к другим сферам, прежде всего к ценностной. То есть от цивилизации мы движемся к культуре, как бы ни относился к этому Н. А. Хренов, сказавший, что культура не справилась с надеждами, которые на нее возлагались. Особое значение приобретает также высказывание академика А. Д. Некипелова о том, что собственная среда, своя система ценностей, свое государство важны для людей.

Академик В. С. Степин говорил о двух типах цивилизации: технологическом и традиционном, но привел только один критерий их разделения — технологию. Специалисты, которые занимались цивилизационным историческим сравнением, пишут, что вплоть до XVI века Восток по разным показателям доминировал над Западом. Бедный Запад не мог сравниться с Востоком в своих перспективах. Но в XVI веке произошел прорыв Запада, который был связан с технологическим развитием, зарождающимся буржуазным, капиталистическим строем (создание мануфактур и т. д.), западным Ренессансом, Возрождением. Интересно, что начало западного Ренессанса положили потоки эмигрантов из Византии.

Существуют два типа гуманизма. Один сводится к ренессансному антропоцентризму, а другой — гуманизм великой русской литературы, «золотого» XIX века. Гуманисты западного толка, в том числе и Петрарка, говорили об отвратительных скифских мордах, которые появлялись на территории Запада.

В выступлении В. С. Степина прозвучало, что Запад развивался на самобытной основе. Но и Россия всегда всё перерабатывала и адаптировала к собственному ценностному контенту, который, как мне кажется, будет чрезвычайно востребован в будущем.

Академик В. А. Черешнев процитировал академика Смирнова и его теорию, в которой выделяются три составные части: коллективное, когнитивное и бессознательное. Но это же юнгианская теория, к которой добавилась только когнитивная составляющая. Если мы говорим о культуре, то на первый план сейчас выходит бессознательное. Архетипы неустранимы, и сейчас современность демонстрирует архетипическую непохожесть двух цивилизаций.

Когда речь идет о столкновении двух цивилизаций, основной удар направлен на наше государство. Раньше говорили о столкновении систем. Теперь системы не враждуют друг с другом, но натиск на нас продолжается. Существует русская европейская цивилизация (это не теория Гумилева) иного типа, которая представляет собой конкурента Запада. Отсюда — русофобия и другие негативные явления.

Мне кажется, что точка объединения может сыграть свою роль. На этой конференции ведущих философов призывали дать рекомендации по будущему развитию. Но разве политики когда-нибудь прислушивались к философам? Так, некогда Платон высказал идею о том, что философы должны управлять государством. Что

из этого осуществилось? В одной из последних работ Ю. Хабермас употребил выражение «плач интеллектуала»: интеллектуал говорит, но его уже никто не слушает. На этой не совсем оптимистичной ноте я хочу закончить свое выступление.

В. С. СТЕПИН: — Вначале я хотел бы отреагировать на выступление М. И. Козьяковой. В целом я солидарен со многими высказанными ею суждениями. Но не могу согласиться с ее интерпретацией моей точки зрения на развитие современной цивилизации. Это неверно, что я привожу только один критерий различия двух типов цивилизационного развития (технологу).

Моя идея состояла в следующем. Типы цивилизационного развития определяются глубинными жизненными смыслами и ценностями, которые лежат в основании культуры. Эти смыслы и ценности представлены мировоззренческими универсалиями, категориями культуры.

Ключевыми мировоззренческими универсалиями, определяющими различие этих двух типов, являются категории «человек», «природа», «деятельность», «традиции и новации», «личность», «рациональность», «власть». Интерпретация этих универсалий, их смыслы кардинально отличны, даже альтернативны в традиционалистских и техногенных культурах.

Именно система этих смыслов выступает критерием различия традиционного и техногенного типов развития. Для техногенных обществ она явилась предпосылкой и условием их технологического прогресса.

И еще одно замечание. Я проводил различие между Западом, который первым реализовал техногенный тип развития, и обществами, которые встали на этот путь в процессе модернизации. Но отсюда не следует, что общества, прошедшие ряд модернизаций, утратили свою самобытность. Напротив, они обрели особую самобытность, сохраняя в трансформированном виде некоторые из традиционалистских ценностей и соединив их с ценностями техногенной культуры. Уместно вспомнить высказывание Герцена, что на реформы Петра I Россия ответила своеобразно, она ответила гением Пушкина. Н. Бердяев считал, что таким ответом была не только великая русская литература XIX века, но и Серебряный век русской культуры. И моя идея состоит в том, что именно культуры такого рода «гибридных» обществ (России, Индии, Китая, Японии) могут сыграть важнейшую роль в формировании системы новых ценностей, призванных изменить стратегию техногенного развития, породившую обостряющиеся глобальные кризисы, обеспечить переход к новому, третьему по отношению к традиционалистскому и техногенному, типу цивилизационного развития.

В. А. ЛЕКТОРСКИЙ: — Слово предоставляется профессору Марии Николаевне Ветчиновой.

М. Н. ВЕТЧИНОВА: — К огромному сожалению, это действительно объективные данные: растет количество преступлений, совершенных людьми с высшим образованием. Но, по-моему, мы должны понимать: ди-

плом о высшем образовании не означает, что его обладатель действительно высокообразованный человек.

Рассуждая о будущем, мне, как и другим участникам нашей секции, кажется логичным обратиться к молодому поколению. Как выразился один из коллег, вы являетесь выразителями настоящего в будущем и будущего в настоящем. Конечно, я согласна с Ириной Викторовной Малыгиной: на вашу долю выпало сложное время. Сегодня многие люди, несмотря на образование, жизненный опыт, научные знания, с трудом ориентируются в современном мире. Но в некоторых отношениях вам все же повезло. Во-первых, вы учитесь в удивительном университете и имеете возможность присутствовать на таком большом и значимом мероприятии, как Лихачевские чтения, где можете делиться своими выдающимися современниками, которые делятся своими размышлениями. Мне, как и Александру Сергеевичу Запесоцкому, хочется надеяться, что именно эти мысли великих людей будут определять развитие мира.

В свое время Дмитрий Сергеевич Лихачев задал четыре вектора дальнейшего развития. Первый — сохранение культуры, культурного наследия. Второй — сохранение окружающей среды, то есть решение экологических проблем. Третий — международное сотрудничество, которое зиждется на доверии. И четвертый пункт, самый близкий мне как педагогу, — образование.

Прошло 18 лет после его ухода, много воды утекло за это время. Если раньше говорили о диалоге культур, то сегодня мы обсуждаем кризис и системные сдвиги, ищем новые пути развития и т. д. Но я заметила, что те идеи, которые были сформулированы здесь вчера, не отличаются от идей академика Лихачева. В частности, вот лейтмотив некоторых выступлений. Ги Меттан: «Решение экологических проблем, защита окружающей среды». Вячеслав Семенович Степин: «В идеале — новая система образования и воспитания. Что развивает человека? Не диплом, а образование». Владислав Александрович Лекторский: «Надо менять человека». Георгий Александрович Праздников: «Сохранение человечности как выбор будущего».

Как справедливо указывал Дмитрий Сергеевич, нас ждет то, что мы сделаем сами. Готовых рецептов нет ни у кого. И мне, как гуманитарии, приходится только сожалеть о том, что Лихачева нет с нами. Возможно, в это непростое время он дал бы нам свои мудрые советы.

В. А. ЛЕКТОРСКИЙ: — Дорогие друзья, сейчас перед нами выступит Светлана Владимировна Лурье.

С. В. ЛУРЬЕ: — Я начну с внешней политики, которая в эпоху глобализации приобретает особые свойства, становится технологичной, проективной. Территориям предписываются строго определенные черты, которым они должны соответствовать. Технологическая сила — это такая сила, которая первоначально выстраивает проект геополитической организации, а затем путем наращивания определенных качеств приводит реальность в соответствие со своим проектом. Вместе с тем одна из основных ролей внешней поли-

тики — быть выражением миссии стран и культур, что, однако, в эпоху глобализации практически невозможно или возможно лишь в усеченном виде. Внешняя политика подразумевает прежде всего субъектность участников и межсубъектный диалог. Это не позволяет полностью выразить культурное содержание страны, но связано с личностным началом. Глобализация имеет тенденцию к подавлению выражения миссии в рамках внешней политики.

Но чем интересна внешнеполитическая роль? Тем, что она пробуждает в международном агенте ролевое поведение. Это видно, в частности, в отношении Запада к России. Технологическая сила — это особый срез вестернизации, отражающий не всю западную тенденцию, а только доминирующие сейчас течения. Однако в диалоге западный мир зачастую проявляет эмоции, а не технологическую силу.

В чем заключается роль России? По-моему, желательный образ — держава жалости и милости. Чтобы понять эту роль, надо отталкиваться от исторической миссии России, которая состоит в православии. Но в настоящее время на политической арене эта миссия России невозможна. Она выражается в том отношении к человеку, которое задается православием. Это отношение к человеку, с одной стороны, как к существу экзистенциальному, духовному, но с другой — как к самоограничивающемуся, добровольно встраивающему себя в нравственную традицию, отличающую человека от человека технологического, в котором духовная свобода, внутренняя свобода заменяется внешней свободой потребления компьютерных игр, богоборческими и природоборческими тенденциями, выражающимися в трансгендеризме и гомосексуализме. В наше время это борьба истинной и мнимой свободы.

В. А. ЛЕКТОРСКИЙ: — Уважаемые коллеги, хочу предоставить слово профессору Татьяне Борисовне Сидневой.

Т. Б. СИДНЕВА: — В 1990 году Дмитрий Сергеевич Лихачев в интервью, данном Урмасу Отту, сказал, что после многих жизненных испытаний он пришел к легкому (но не легковесному) отношению к жизни. Сегодня, когда сама жизнь становится непреходящим испытанием, важно сформировать правильное отношение ко всему происходящему и занять верную позицию. В этом отношении, мне кажется, одним из ключевых понятий в современном мире может стать понятие межпарадигмальности. Мы находимся в состоянии, когда зависим от прошлого и одновременно тяготеем к неведомым берегам. Сегодняшнее состояние фиксирует одновременно утверждение и отрицание, и в это противоречие включены все сферы жизни: язык, наука, политика, религия, искусство. Каждая из этих областей может показать пример адекватного отношения к современному состоянию культуры.

В книге Александра Сергеевича Запесоцкого «Философия и социология культуры» дано точное определение: культурная парадигма — это одновременно онтологическая реальность и метод изучения культуры.

Исходя из этого, можно понять, что межпарадигмальность (а межпарадигмальных периодов в истории было огромное количество) заключается во взаимодействии различных парадигм. Поэтому правы все: и традиционалисты, и новаторы, и бунтари, и те, кто апеллирует к уже сказанному и не мечтает о новостях в культуре. Антиномичность, характерная для сегодняшнего времени, — это провокация, которая дает нам возможность активизировать свое сознание и понять, что разные позиции существуют синхронно. В связи с этим опять вспоминаю Дмитрия Сергеевича Лихачева, который утверждал, что в диалектике культурного процесса есть важная закономерность: новые культуры не появляются в изолированном пространстве, любая культура рождается между другими и на их основе.

Для определения современного состояния культуры я бы обратилась к трудам академика Степина, который некоторое время назад ввел термин «постнеклассика». Правда, Вячеслав Семенович применяет его к науке, но я считаю, что его можно отнести к культуре в целом. Понятие постнеклассики становится ключом для понимания того, куда мы должны идти. Действительно, обращенность к сложным человекообразным системам, признание альтернативности истины и главное, неограниченность научным рациональным рефлексированным знанием — вот что дает право каждой из сфер культуры дать свой ответ. В этом отношении очень важны междисциплинарные форумы и конференции, участвуя в которых мы можем быть полезны друг другу.

В. А. ЛЕКТОРСКИЙ: — Предоставляю слово профессору Александру Петровичу Маркову.

А. П. МАРКОВ: — Тема моего сообщения — «Смена цивилизационных матриц европейской культуры эпохи постмодерна: симптомы регресса и сценарии будущего». В докладах пленарного заседания и в тезисах участников панельных дискуссий звучала нескрываемая тревога: современный мир стремительно меняется, и масштабы перемен поражают воображение. Гуманитарии все чаще фиксируют зловещие знаки нарастания общей энтропии мир-системы. Усиливается предчувствие динамического хаоса, который может наступить уже к середине века и за которым — либо деградация и гибель, либо выход цивилизации на качественно новый уровень развития (такой прогноз звучал в докладе академика В. С. Степина).

В основе этих глобальных перемен, наблюдаемых в реальной плоскости, лежат не менее глобальные процессы, происходящие в квантовом, потенциальном мире культуры — в метафизических глубинах, духовных и ментальных матрицах человечества. Эти изменения не сразу очевидны, они постепенно вовлекают нас в свои энергетические потоки, заставляя совершать то, в чем мы не всегда отдаем себе отчет.

В последние десятилетия европейская цивилизация переживает этап, равный по значимости и кардинальности перемен «осевому времени». Основной вектор перемен: европейский мир стремительно выпадает из христианской антропологической модели. Великая

европейская цивилизация, сохраняющая духовную доминанту на протяжении более 2 тыс. лет, сегодня демонстрирует историческую логику маятника: она все дальше отступает от своих истоков, покидая духовные матрицы, сформировавшиеся «осевым временем» и христианской антропологией, возвращаясь к архаическим первоначалам человеческой истории. В стремительном движении в «будущее» современный европейский мир неожиданно оказался у красной черты, отделяющей его от опыта языческого прошлого, трудно и мучительно преодолеваемого тысячелетиями человеческой истории.

При этом выпадение из корневой системы на уровне обыденного сознания не воспринимается европейцем как катастрофа или даже проблема! С одной стороны, нарастающая «экзистенциальная пустота» современного человека нуждается в переменах, с которыми связываются надежды на обретение новых смыслов. С другой стороны, Европа, по существу, и не расставалась с язычеством (именно этим можно объяснить ту легкость, с которой она приняла нацизм, с его языческим расизмом, культом «почвы и крови»). Смысловая исчерпанность европейской цивилизации и экзистенциальная усталость ее антропологических матриц выносят приговор христианскому духу европейского мира: в усиливающейся схватке сил усложнения с силами упрощения Запад не переживет грядущей «битвы титанов», и эстафета усложнения перейдет к другим народам и культурам (культуролог А. А. Пелипенко в своих последних публикациях писал о том, что наступает время «дальневосточных народов»).

Гуманитарии едины в оценке происходящего: фундаментальная смена привычных моделей бытия неизбежна. Называют два фактора смены цивилизационных матриц европейского мира: исчерпанность замыслов и реализация заложенных потенциалов и накапливание внутри культурной системы непреодолимых противоречий, деформирующих мировоззренческое ядро и ментальные матрицы европейской цивилизации.

Ключевым симптомом глобального кризиса европейской цивилизации, свидетельствующим о неизбежной смене эпох, является закат эры логоцентризма, то есть исчерпанность энергий христианского Логоса, утрата антропотворческой миссии Слова, которое было «в Начале» культуры пророков, почти 3 тыс. лет определявшей цивилизационный уклад значительной части человечества. О деградации логоцентричной методологии познания и творения человека и мира в пространстве европейской цивилизации свидетельствует, в первых, разрушение образа будущего, которое всегда связано с представлением о должном. Эту особенность современного мира отметил в своем докладе на пленарном заседании академик Гусейнов: будущего уже нет, ибо в его сегодняшних спектрах нет альтернативы, общественного идеала. Во-вторых, критерием заката «эры логоцентризма» становится сокращение пространства «высокой культуры». Сегодня духовной коррозии подверглись центральные институты гуманитарной культуры — философия и искусство. В-третьих, значимым свидетельством духовного истощения европейской цивилизации является антропологический

кризис, о котором свидетельствует мощный всплеск девиаций, патологий, трансгрессий и форм «предельного опыта человека», откровенное торжество антропологической модели язычника, с ее алчностью, гедонизмом, жестокостью. Значимой причиной антропологического кризиса стала экспансия деструктивной антропологии в системе гуманитарного знания (М. Фуко в свое время остроумно заметил, что Маркс, Ницше и Фрейд создали вокруг нас такие зеркала, в которых видимые образы становятся для нас неисчерпаемым оскорблением).

Закат эпохи логоцентризма делает неизбежным возвращение языческого этапа человеческой истории. Основные культурно-антропологические проблемы европейской цивилизации вытекают из ее переходного характера и незавершенности культурного типа, в «теле» которого усиливается борьба двух антропологических доминант: классической и языческой. Эти культурные миры не просто различны — они метафизически несовместимы во всех областях бытия. Их непримиримая дихотомия обнаруживается в ментальной сфере, где происходит борьба между архаическим сознанием и логоцентризмом, в жизненных стратегиях: борьба христианской антропологии, утверждающей духовность и нестяжательство, прощение и милосердие, противостоит языческой версии жизненных смыслов, основу которых составляют ценности гедонизма, богатства, успеха, статуса, силы.

В русской культуре языческая линия всегда была представлена не столь убедительно в сравнении с западноевропейским миром, поэтому шанс сохранения духовной доминанты у нас остается. Залогом такой надежды является наша ментальность, отторгающая антигуманную стихию капиталистической экономики и дух рынка, а также народный опыт самоотверженного строительства «царства Божьего» на земле, в котором «блаженны» нищие духом, страдающие за правду и стремящиеся к истине, утверждающие справедливость и милосердие. А также традиции отечественной гуманитарной мысли, которая всегда пыталась «окликнуть» человека словом, помогая ему повернуться к себе и миру «своим главным, сущностным, своей просветленной стороной — лицом, озаренным сердечным светом», пробуждая в нем духовность, которая устремляет человека за горизонты человеческого бытия.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Я хотел бы остановиться на некоторых тезисах Александра Петровича Маркова. При рассмотрении нашей проблематики он не отвлекался на привходящие, технические моменты, а схватил самую суть, четко обозначил свою позицию и выявил ее в предельной форме. Если Владислав Александрович видит печальную ограниченность наших возможностей познания будущего, то Александр Петрович считает, что сейчас идет борьба за будущее, в которой наша страна должна занять значимое место. И он утверждает, что будущее определяется какими-то скрытыми причинами и технологиями. Однако если они невидимые, то как мы можем о них говорить? Из этого утверждения вытекает, что мы не можем о них

говорить с высокой степенью достоверности, в лучшем случае выдвигать предположения, гипотезы. Вы утверждаете, что вся культура есть насилие, и я прекрасно понимаю, о чем речь. Не только о символическом насилии, но и о том, о чем нечасто говорят вслух. Идет борьба нескольких проектов, а борьба всегда предполагает некое насилие.

В связи с этим у меня вопрос. В основе Вашей концепции лежит отношение к религии, верно? И Вы связываете позитивный и вероятный для России вариант с христианскими идеями. Но как сочетаются христианские идеи и насилие? Ведь если учение Христа и внесло что-то новое в культуру, то это была идея ненасилия. Все остальное было до него.

Далее. Понятно, что для нас модели будущего и места нашей страны в нем — это не только объект исследования, но и в какой-то мере форма самосознания самой культуры. Это налагает на нас особую ответственность. И тут у меня появляется еще один вопрос. Вы формулируете свою концепцию так, как если бы Вашими устами говорила русская культура. Хорошо. Вот был Чаадаев и был Данилевский. Кто из них представляет от имени русской культуры? Кто точнее выражает ее самосознание?

Или, скажем, жесткое противопоставление языческому Западу, который в Вашей трактовке де-факто с XI века, а со времен Шекспира уже и на уровне сознания погряз в языческой преисподней. Извините, но может так случиться, что и Россия там окажется, если вспомнить, как во все эти века развивались события.

И последнее. Вы апеллируете к Божественному началу в человеке. Да, в свое время и Аристотель говорил, например, что разум — это Божественное начало в человеке. Но иметь в виду прямой, конфессиональный смысл, конечно, возможно, но вряд ли допустимо в рамках философской дискуссии, а Вы на этом аргументе строите обобщения. Теология — это все же нечто другое. Когда я говорю о недопустимости апелляции к Божественному началу, то отношу это ко всем религиям: и к иудаизму, и к исламу, и к христианству. Конечно, религия имеет огромное значение, это важное явление в культуре. Но тут возможны разные позиции.

А. П. МАРКОВ: — Абдусалам Абдулкеримович, культурология изучает прежде всего тексты, и ей не важно, это текст великого романа Ф. М. Достоевского, русская частушка с ненормативной лексикой или Новый Завет. При этом в обращении к религиозным текстам культурология не заходит на «конфессиональную площадку» — за сюжетами, образами и символикой текста культурология пытается увидеть «Символическую Вселенную» культуры (Кассирер), а за текстом — дух и душу культурного организма. Как можно анализировать западноевропейскую цивилизацию или русскую культуру, не обращаясь к содержанию маленькой книжечки (я имею в виду Евангелие), которая фундаментально сотворила эти великие духовные миры? Не случайно вся русская религиозно-философская мысль пронизана символами и обра-

зами Ветхого и Нового Завета — это мы обнаруживаем в работах Николая Данилевского, Константина Леонтьева, Павла Флоренского, Вячеслава Иванова и многих других.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Верно, Константин Леонтьев выходил за некоторые пределы, поэтому я предлагаю этого не допускать. А поскольку в Ваших рассуждениях эта апелляция — не просто фигуральное выражение, а играет существенную роль, то, на мой взгляд, лучше все же формулировать свои позиции таким образом, чтобы их мог понять и я — человек, не приверженный никакой конфессии.

В. А. ЛЕКТОРСКИЙ: — Приглашаю к микрофону Людмилу Викторовну Сокольскую.

Л. В. СОКОЛЬСКАЯ: — Я, как юрист, постараюсь обозначить несколько вопросов на тему первоисточника конфликта цивилизаций. На меня оказали большое влияние идеи Вячеслава Семеновича о культуре как надбиологической программе. Я предлагаю еще одну формулировку: культура — это многоуровневая развивающаяся система, имеющая уникальный генетический код. Схематично в культуре можно выделить несколько уровней, причем смысловые значения закрепляются на каждом уровне в знаковой форме, и эта жизненно важная информация записывается на предыдущую, предшествующую информация может затираться новой, а может сохраняться и транслироваться следующим поколениям. Кроме генетических уровней, в культуре, как сказал Вячеслав Семенович, наличествует еще и генетический код. По мнению академика Степина, генетический код представляет собой сложноорганизованную систему биологических и надбиологических программ деятельности, поведения и общения человека. Данный тезис позволил мне представить генетический код культуры в виде молекулы ДНК. Таким образом, генокод культуры состоит из биологических универсалий, где закреплены принципы и идеалы, обеспечивающие выживание и совершенствование человечества, которые можно обнаружить в культурах различных общностей и культурно-мировоззренческих универсалий, которые включают не только социально осознанные явления, но и социальное бессознательное. Данные универсалии связаны между собой различными типами мышления — чувственного, интуитивного, рационального. При помощи этих способов осознания и обретения смыслов биологические универсалии преобразуются в культурные, что находит отражение, например, в языке и ментальности народа. Таким образом, уникальность культуры любого социума зависит не только от наличия конкретных культурных универсалий, но и от системы генетической структуры как взаимосвязи чувственного, интуитивного и рационального типа мышления при доминировании одного из них (в различных вариантах).

Типологическую уникальность культуры социума в общемировом культурном пространстве можно обособить с помощью генетического кода. По моему мне-

нию, гомогенные культуры, которые имеют общий генетический код, объединяются в наиболее крупные социокультурные общности, которые мы можем назвать цивилизацией. Зарождение социокультурных общностей происходит в результате взаимодействия культурных общностей «они» и «мы».

Для объяснения культур различных социумов в определенной цивилизации необходимо выделить признаки и критерии, представляющие единую системную иерархическую структуру вариантных взаимосвязей типов мышления. Это единые мировоззренческие универсалии, которые закрепляют социальный опыт в системе координат жизнедеятельности конкретного общества, и это общность культурно-исторических форм социальной информативности, которая образуется в результате тесного продолжительного взаимодействия и взаимовлияния культур различных социумов. В данном контексте хочу подчеркнуть, что все современные цивилизации формируются в результате длительного межкультурного взаимодействия. А в границах одной цивилизации благодаря общему генокоду наличествует внутренняя культурная моногамия, которая и подразумевает совместимость социокультурных достижений.

Исходя из того, что чисто математически может быть не более шести вариантов сочетаний типов культур, я предлагаю рассмотреть и шесть типов цивилизаций: латиноамериканскую, евроатлантическую, ближневосточную, южноазиатскую, восточноазиатскую и центроевразийскую. Я настаиваю на термине «центроевразийская», а не «славянская» или «русская» цивилизация, как было предложено ранее, потому что считаю, что это более уместно. Границы и состав этих целостных культурных общностей меняются под воздействием объективных и субъективных внутренних и внешних факторов. Каждая из этих современных цивилизаций имеет в перспективе универсальную возможность стать в будущем основой культурной глобализации. Поэтому сегодня глобальные вызовы надо исследовать, может быть, не столько в контексте противостояния Запада и Востока, а как оспаривание определенного направления цивилизационного развития — одного из шести возможных.

В. А. ЛЕКТОРСКИЙ: — Сегодняшняя дискуссия — очень интересная, мы обсуждаем острейшие проблемы, их очень много, и мнения докладчиков далеко не всегда совпадают. Однако если обобщить, то с самого начала мы говорим на одну и ту же тему: что с нами происходит, куда мы идем и можем ли мы знать, что нас ожидает. Это действительно сложный вопрос, и мнения на этот счет самые разные. Прежде всего предсказывать что-либо безошибочно можно только тогда, когда речь идет о неживых объектах. С живой природой все гораздо сложнее. Представьте, что наступила осень, и вы видите, как лист падает с дерева на землю. Его траекторию в принципе можно вычислить, но практически сделать это невозможно. Можно сформулировать точный прогноз: «Когда наступит осень, листья будут падать с деревьев». Но вот предсказать траекторию падения отдельного листочка не-

возможно. Я помню, что когда несколько лет назад в Москве были пожары и в воздухе висел смог, по телевидению выступил руководитель Гидрометеоцентра, который на вопрос: «Когда это закончится?» ответил, что к зиме наверняка, а точнее сказать невозможно. Вот такие предсказания. А что вы хотели? Большинство процессов сложно или в принципе невозможно предсказать. Особенно это относится к социальным процессам. И потому, что общество — сверхсложная система, и потому, что в случае социальных явлений сам факт предсказания воздействует на участников процесса, и ход процесса меняется.

С одной стороны, нельзя жить, не зная, что нас ожидает, ведь мы планируем свою жизнь, ставим перед собой какие-то цели, но с другой — глобальные процессы трудно доступны для предсказания. Обычно предсказания будущего связаны с экстраполяцией тех тенденций, которые были до сих пор, то есть с индуктивными умозаключениями. В течение многих веков считалось неоспоримым, что все лебеди белого цвета, и Аристотель ссылаясь на это мнение как на хорошо обоснованный результат индукции. Но в XVIII веке капитан Кук приплыл в Австралию и увидел там черных лебедей. И наши представления о лебедях оказались неосновательными.

Но есть и другой вид знаний о будущем. Если я строю некий предмет и знаю, как я его строю и как он функционирует, то мое знание об этом предмете не будет подвержено тем ошибкам, которые возможны в случае индуктивного умозаключения. Потому что я не наблюдаю нечто, а сам это нечто создаю, то есть творю будущее, а не ожидаю его пассивно. Вот если бы мы не просто наблюдали лебедей и видели, что до сих пор все они были белого цвета, а могли бы сами искусственно создать такого лебедя и при этом сделать так, чтобы белый цвет был не случайно, а необходимо связан с его конструкцией, то мы были бы с полным на то основанием уверены в том, что все такие лебеди всегда обязательно будут белыми. Конечно, мы не можем искусственно создавать лебедей (по крайней мере, сегодня). Но технику мы создаем. И живем в этом технологизированном мире. И вот сегодня многими умами овладела идея искусственно спроектировать всю Вселенную, начиная от атомов, молекул, жизни, разных живых существ, начать управлять эволюцией и спроектировать самого человека.

Но в этом случае человек берет на себя функции божества. Это выглядит как сумасшествие. Однако есть ученые, которые серьезно принимают эти идеи.

В течение последних десятилетий много писали об экологическом кризисе. Академик Николай Николаевич Моисеев, который считал эту проблему одной из важнейших, выпустил книгу «Человечество — быть ему или не быть?». Но современные трансгуманисты утверждают, что экологической проблемы нет, потому что можно заменить всю естественную природу искусственной. Так можно или нельзя?

Прежде всего не все, что можно, — нужно. Известен случай, когда к А. П. Чехову пришла женщина и спросила, можно ли просверлить в земле такую огромную дыру, чтобы через нее попасть на другой ко-

нец земного шара? Чехов в физике был не силен, но подумал и сказал: «Можно, но не нужно».

Повторяю, не все, что можно, — нужно. При этом я глубоко убежден, что и невозможно заменить естественное искусственным. Я являюсь одним из сопредседателей Совета по методологии искусственного интеллекта при Отделении общественных наук РАН и нередко выслушиваю доклады на подобные темы. Так вот считывание чужих мыслей, создание искусственного мозга и постчеловека — это, к счастью, нереализуемые утопии. А вот переход к электронному (или цифровому) обществу вполне возможен и на самом деле уже происходит. Это нечто вроде реализуемой утопии. Может быть, было бы лучше, если бы эта утопия была нереализуемой. Но она может осуществиться (как и в прошлом в истории ряд проектов, которые казались утопическими, осуществились). Николай Бердяев однажды сказал, что не то плохо, что утопия не существует, гораздо страшнее, что она может осуществиться.

Мы вступили в фазу, когда неизбежно с человеком и обществом что-то будет меняться, и притом радикально. И сегодня главная проблема — сохранение человека и человечества. Жизнь становится сложнее, и надо сделать так, чтобы человек остался человеком, а не превратился в непонятное существо на цифровом носителе.

Как сказал один древний мудрец: «Господи, дай мне душевный покой, чтобы принять то, что я не могу изменить, дай мужество изменить то, что могу, и мудрость, чтобы отличить одно от другого».

Мы завершаем нашу работу, и заключительное слово предоставляется Вячеславу Семеновичу Степину.

В. С. СТЕПИН: — Мне задали несколько интересных вопросов, которые тем не менее требуют дополнительных пояснений уже сказанного мною в выступлениях на пленарном заседании и в дискуссиях. В частности, это касается смысла концепта «цивилизация».

Это понятие применяется в нескольких смыслах. Важно, на мой взгляд, выделить три основных. Первый из них обозначает совокупность достижений человечества, которые характеризуют выделение человека из животного мира и его восхождение по ступеням социального развития. В этом значении под цивилизационными достижениями понимается прежде всего развитие и системное усложнение «второй природы» — мира созданных человеком предметов и процессов, который непосредственно окружает его и обеспечивает его выживание в природе. В этом смысле говорят о цивилизационных достижениях как о технико-технологических инновациях, таких как изобретение колеса, паровой машины, автомобиля, самолета, освоение электричества, атомной энергии. Кроме них есть цивилизационные достижения, которые обеспечивают регуляцию социальных связей и отношений людей. Изобретение письменности, возникновение права, рынок и деньги, демократия, права человека — тоже цивилизационные достижения.

Второе значение понятия «цивилизация» характеризует особый тип общества, возникающий на определенной ступени исторического развития, когда про-

исходит переход от первобытного состояния к первым сельским и городским цивилизациям древности. В основе этого понимания лежит целостное системное видение общества с особенностями его культуры, ее базисных ценностей, социальных отношений и институтов, способа взаимодействия с природой, типов личностей и образа жизни, которые воспроизводятся в процессе существования цивилизации. В этом значении употреблял термин «цивилизация» А. Тойнби, когда выделял в истории человечества различные виды цивилизаций. В рамках этого второго смысла цивилизация воспринимается как особый социальный организм, который характеризуется спецификой его взаимодействия с природой, особенностями социальных связей и культурной традиции. Подчеркну, что в этом подходе цивилизация и культура никак не противопоставляются друг другу. Любая цивилизация предполагает особый тип культуры. И только благодаря этому типу культуры она и воспроизводится.

И, наконец, есть третий смысл понятия «цивилизация». Например, О. Шпенглер считал, что цивилизация и культура противоположны. В этом случае под цивилизацией понимаются технологические и технические изобретения, а под культурой — базисные ценности и состояния духовного мира человека. И тогда фиксируется, что прогресс в технике и технологии не приводит автоматически к моральному прогрессу, наоборот, иногда даже связан с моральным регрессом. В этом смысле часто говорят, что цивилизация и культура не совпадают, что это разные аспекты социальной истории. Такое противопоставление, я полагаю, уместно только в очень узких рамках, например когда обсуждаются проблемы кризиса современной цивилизации и соответственно современной культуры. Вот тут можно говорить о том, что цивилизация, в основе которой лежит технический и технологический прогресс, и культура, как духовное развитие человека, не совпадают и даже могут быть противоположны друг другу.

Когда речь идет об историческом развитии цивилизации, то приоритет имеет второй смысл термина «цивилизация», требующий рассматривать ее как некоторый целостный социальный организм, изменяющийся в ходе исторической эволюции.

Именно этот подход определил разработку мною концепции типов цивилизационного развития. Один из вопросов, который мне был сегодня задан в письменном виде, состоял в следующем: как соотносятся концепция локальных цивилизаций и типов цивилизационного развития с марксистской теорией общественно-экономических формаций. Общим для всех них является видение общества как целостного организма. Но понимание его структуры и исторической динамики было различным. В марксизме главным фактором социальных перемен является способ производства, в цивилизационном подходе — изменение культурно-генетического кода. Признаюсь, мне давно уже не нравилось это противопоставление. Я считал возможным попытаться синтезировать эти два подхода или, по крайней мере, доказать, что они представляют собой дополнительные (в смысле Н. Бора) описания одного и того же сложного системного объекта

и оба необходимы для понимания его функционирования и развития.

Для решения этой задачи необходимо было скорректировать научную картину социальной реальности, которую предлагал марксизм и которую наше поколение усваивало в процессе школьного и вузовского обучения.

Философским основанием научной картины социальной реальности были идеи философской антропологии, возникшие как стремление ответить на вопрос, сформулированный великим И. Кантом: «Что есть человек?». Ответ предполагал анализ трех основных отношений человека к миру — к природе, другим людям и социальным коллективам, к сфере человеческого духа.

Марксизм, исходя из деятельностной природы человека, обосновал представление о его материальном бытии как о функционировании и развитии человека в качестве двухкомпонентной телесности: наличие кроме его биологического тела еще и системы искусственных органов, технических устройств, дополняющих и усиливающих костно-мышечную систему человека, его органы чувств и нервную систему. Эти искусственные органы являются фрагментами второй природы, созданной и развивающейся благодаря практической деятельности людей. Именно из этого понимания следовало, что способ производства определяет материальное бытие человека.

В марксизме был намечен еще один аспект амбивалентности человеческого бытия как социального существа — автономия его личности и его включенность в сложно структурированную систему социальных связей, благодаря чему он и формируется как личность. Эти идеи были развиты в социологии уже XX века.

Наконец, есть еще одна фундаментальная характеристика человеческого бытия — историческое развитие человеческого духа. В марксизме эта сфера бытия сводилась к отношениям индивидуального и общественного сознания, рассмотренного как отражение общественного бытия и вторичного по отношению к нему. Правда, Ф. Энгельс в своих последних работах предостерегал от догматического понимания этого тезиса и подчеркивал активность общественного сознания в организации социальной жизни. Но в классическом марксизме эта тема не была достаточно разработана.

В XX веке открытия генетики, социальной антропологии, разработка семиотики, теории систем и концепции деятельности придали новый импульс анализу духовной сферы человеческого бытия. Она предстала в аспекте надбиологических программ человеческой жизнедеятельности (деятельности, поведения и общения), которые регулируют социальную жизнь.

У человека есть два типа регулятивных программ. Первый — это биологические генетические программы, представленные биогенетическими кодами человека. Второй — надбиологические программы, представленные социокодами. Сложная развивающаяся система надбиологических программ человеческой жизнедеятельности, транслируемая в социокодах, обозначается термином «культура».

Культура функционирует как своего рода социальная генетика. Ее фундаментальные жизненные смыслы и ценности, репрезентированные системой мировоззренческих универсалий как оснований культуры, действуют подобно геному биологических организмов. Они определяют воспроизводство того или иного вида общества как системной сложности. Новые виды общества, как и новые виды живых организмов, возникают только тогда, когда меняется их геном.

Стандартный цивилизационный подход зафиксировал регулятивные функции культуры в жизни цивилизаций и выделил виды цивилизаций, различая их по особенностям культурных традиций. Но при этом остались непроанализированными механизмы становления и взаимодействия локальных цивилизаций на разных этапах человеческой истории.

Для этого необходимо было более дифференцированно рассмотреть культурные традиции как иерархию жизненных смыслов и ценностей и выделить базовые ценности в качестве предельных оснований культуры. В этом типе анализа и возникла расширенная трактовка цивилизационного подхода — разделение всех типов (видов) цивилизаций на два обобщающих типа (класса) — на традиционалистский и техногенный. Каждый из них включал соответствующие виды локальных цивилизаций в качестве своих особых экземпляров.

Концепция типов цивилизационного развития не отбрасывает позитивное содержание стандартного цивилизационного подхода (А. Тойнби, Н. Данилевский и др.), а включает его в свой состав. Вместе с тем она может быть согласована и с рядом ключевых положений марксистской формационной концепции, которая предстает как альтернативная стандартному цивилизационному подходу. Нетрудно обнаружить, что базисные ценности техногенного типа развития лежат в основе марксистского понимания общества. Концепция формаций описывала предысторию и историю техногенной цивилизации, но испытывала известные трудности применительно к традиционалистским обществам Востока. В результате получается, что два альтернативных и несовместимых подхода (цивилизационный и формационный) предстают в рамках концепции типов цивилизационного развития как дополнительные описания одной и той же сложной системной реальности, акцентируя разные аспекты этой реальности.

Важно различать два варианта социальной эволюции. Первый вариант — эволюция обществ в рамках определенного типа развития, когда сохраняется свойственная этому типу матрица базовых ценностей. Второй вариант, когда меняется матрица базовых ценностей и начинается фазовый переход к новому типу цивилизационного развития. Моя позиция и в сегодняшней, и в предыдущих дискуссиях состоит в том, что кризисное состояние современного общества является индикатором перехода к новому, третьему по отношению к традиционалистскому и техногенному типу цивилизационного развития. И если мы хотим прогнозировать будущее, то нужно прежде всего проследить, как меняются базовые ценности, какие точки роста новых

ценностей возникают на современном этапе. Эти точки роста возникают в культуре разных видов техногенных обществ, в том числе и в России. Я согласен с профессором А. П. Марковым, что среди сохранившихся традиций российской культуры есть идеи, которые могут стать перспективными для будущего, даже если сейчас они не входят в современный тренд развития. Их также нужно анализировать как возможные предпосылки нового типа цивилизационного развития.

Мне задали вопрос: может ли быть так, что выход из кризиса цивилизации — в смене системы ценностей? Да, только так и может быть. Второй вопрос: будет ли антропоцентризм сохранен как ценность? В какой-то мере, думаю, да, но возможно несколько сценариев развития. Согласно одному из таких сценариев, гуманизм должен быть заменен идеей трансгуманизма, который предполагает радикальную перестройку генетической основы человека. Об опасностях такой перестройки говорил Владислав Александрович Лекторский. Новые технологии создают огромные возможности по продлению и улучшению качества жизни, но каждый раз надо думать о том, что за этим может последовать в более или менее отдаленном будущем. Если мы хотим избежать катастрофических последствий, то их вероятность должна быть четко обозначена. Мы не можем отказаться от гуманизма, иначе открываются негативные перспективы для существования человечества.

И последний вопрос, который был задан профессором Матвеевой, — относительно того, как мыслится влияние психологической науки на создание нового коллективного образа будущего. Повторю: надо смотреть, что происходит в культуре, какие новые ценности в ней формируются. Вы верно сказали, что ценности создаются массовыми коммуникациями. Но нужно уточнить, в каком смысле создаются. Начало их возникновения в качестве нового понимания мировоззренческих универсалий культуры связано с творчеством интеллектуалов — философов, ученых, писателей. Но утверждаются они в качестве ценностей действительно в массовых коммуникациях. Смыслы мировоззренческих универсалий эмоционально воспринимаются и переживаются людьми. И только так они принимаются в качестве ценностей. В анализе этих процессов значение психологического подхода трудно переоценить.

В. А. ЛЕКТОРСКИЙ: — Уважаемые коллеги, наша дискуссия подошла к концу. Благодарю всех за участие в работе секции — ваши выступления были глубокие и интересные, а разнообразие мнений и оценок говорит о том, что поднятые в докладах проблемы требуют дальнейшего изучения. Надеюсь, через год мы вновь встретимся и продолжим нашу дискуссию, которую мы конструктивно ведем на протяжении ряда лет. Всего наилучшего!